



Игер Кау

ПЕПЕЛ И ПЫЛЬ

Игер Кау

Пепел и пыль

Серия «Аларийский цикл», книга 2

Текст предоставлен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51657378

Аларийский цикл : Пепел и пыль : роман / Игер Кау: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121499-9

Аннотация

Ты проснулся на берегу лесного озера. Ты не знаешь, как туда попал и зачем, не помнишь даже своего имени. Твои попутчики – и защита от разных бед, и шанс умереть быстро и болезненно. Какой ты боец, узнали многие. Какой ты маг, никто не расскажет. Путь долг, пыль дорог смешана с пеплом...

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	67
Часть 3	134
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Игер Кау

Пепел и пыль

Часть 1

Снова в пути

*Снова в пути, снова вокруг незнакомый пейзаж,
льется с небес без конца равнодушный дождь,
кажется – все за короткий привал отдашь,
но почему-то упорно вперед идешь...*

Я смотрю на медленно меняющуюся картинку за окном. Как много всего может произойти за такой короткий срок... Два месяца назад моя прежняя жизнь закончилась так, что все ее следы стерлись из моей памяти. Или кто-то закрыл дверь в нее и выбросил ключ. Уж не знаю, какое сравнение точнее. А я очнулся на берегу окруженного лесами и горами озера, на песке, больше похожем на пепел, не помня даже своего имени. Что уж говорить о том, откуда на самом деле вышел и куда шел. При этом был совершенно здоров и даже снабжен всем самым необходимым для этого пути и явно для чего-то еще – если говорить о деньгах, которых должно было хватить не только на ночлег и еду. И двинулся прочь, стремясь при этом все время держаться к северу спиной –

то ли стремясь куда-то... то ли убегая от чего-то. И место-то какое было дикое – понадобилась целая неделя, чтобы людей встретить. И ведь не просто встретил, а в первый же день, если считать от подслушанного ночью разговора, примкнул к практически первой попавшейся компании. В итоге ввязался в мутную историю, истинного смысла которой могу никогда не узнать, как и своего настоящего имени. Ввязался просто потому, что сначала мне с этой компанией было по пути, а потом и люди, ее составлявшие, мне показались куда более достойными доверия, чем все те, кто упорно пытался им помешать добраться до столицы. Не то чтобы они были бесспорно лучше своих противников... люди как люди, но почти сразу меня перестали воспринимать как случайного попутчика что они сами, что их враги. Что поделаться, когда надо было драться – я дрался, а не стоял в сторонке. Угрызений совести по поводу того, что при этом приходилось убивать, я не испытывал. Прежде всего, потому, что в противном случае умер бы сам – свидетелей нападавшие оставлять не собирались. К тому же мне платили за защиту, а не за переживания. Мы пережили вместе череду нападений, каждое из которых могло стать для любого из нас фатальным, что на суше, что на море, а потом сумели уцелеть в мертвом городе, в котором проще было исчезнуть бесследно, чем выбраться. Правда, не думаю, что смогу кому-нибудь хоть когда-нибудь сказать, что нас спасло не мое везение, а то, что я очень вовремя обнаружил у себя явно не водившиеся прежде способ-

ности. А немного погодя выбрался из могилы, куда меня загнало оказавшееся недостаточно убийственным заклинание. Но даже после всего этого не вспомнил, как меня на самом деле зовут и откуда я взялся. И по-прежнему двигаюсь на юг, ощущая неприятный холод в затылке каждый раз, когда слишком долго остаюсь на одном месте или поворачиваю обратно. Словно северный ветер гонит меня.

Почувствую ли я когда-нибудь, как этот ветер утихнет?

Состав разгонялся плавно и очень неспешно. Проводник сказал, что до Меленгура ехать часа четыре. Можно быстрее, конечно, но будет еще пара остановок на таких же станциях, как эта. Сержанты тем временем заняли верхние полки и приготовились вздремнуть. Я их понимал. Дождливая погода навевала сонливость, несколько часов в тряской фуре тоже никому не добавили сил, поезд имел ход ровный, качало несильно, а негромкий равномерный перестук рельсовых стыков мог усыпить кого угодно.

Мои подопечные вскоре дружно засопели. Им-то что главное? Верно, крайними не оказаться. А мне? В общем-то, тоже. Однако мне не спалось. Все-таки, что было в телеграмме, отправленной Ладером? И как нас там встретят? Впрочем, мы уже в пути, так что скоро узнаем.

Получается, поезд прибудет в Меленгур в сумерках. Хотя нам без разницы – все равно придется на денек-другой задержаться.

Чем заняться, если сон не берет? Четыре часа – это довольно много. Высовываюсь в коридор. Ну да, конечно, разгуляешься тут. В каждом конце по часовому, и у дверей графа, барона и маркизы еще по одному. Весь вагон – наш. Кажется, проводники пересадили тех, кто ехал здесь – вряд ли тут совсем никого не было, – в другие вагоны. Что ж, видимо, граф Урмарен может себе такое позволить. Особенно если таких «переселенцев» было немного. Закрываю дверь, усаживаюсь у окна. Вдоль насыпи, то приближаясь, то удаляясь, бежит хорошо укатанная дорога – похоже, именно ею собирался воспользоваться так бессмысленно погибший лейтенант Астирен.

За первый час тракт выпустил в лес три отростка, ведущие, видимо, к каким-то деревням или хуторам. Прислушиваюсь. Нет, внутренний страж молчит. Переключаюсь на «второе зрение» и обнаруживаю вдоль насыпи легкую пелену, похожую на туман. Что-то вроде магической защиты, как у особняка графа в Мелате. Была ли такая же на пути от Мелаты до порта? Скорее всего, была. Просто я не пытался ее увидеть. Настроена, самое меньшее, на отпугивание животных. Ну и на пьяных любителей побродить по рельсам – если таковые здесь водятся. Любопытно, а если кому очень захочется поезд грабануть или просто под откос пустить? Остановит их этот «туман» или нет? Наверное, остановит – особенно если у банды или диверсионной группы не будет своего мага, причем достаточно сильного, или хотя бы каких-то

артефактов, способных нейтрализовать действие «тумана». Чем еще, как не приличным зарядом такой защиты, объяснить отсутствие поселений (города и станционные поселки не в счет) в прямой видимости от железного пути?

Вспомнилась неведомая жуть с Ортинской пустоши. А вот она сунулась бы к поезду, если бы тот ее среди ночи побеспокоил? Вряд ли. Наверняка поезд обвешан амулетами и еще какими-то оберегами в достаточном количестве, если не в избытке.

Картинка за окном меняется лишь в деталях – все тот же лес по обе стороны от насыпи, да тракт, пытающийся бежать параллельно поезду. Когда солнце ощутимо сползает к горизонту, замечаю на тракте небольшой караван – всего три повозки – в сопровождении примерно полудесятка всадников. То ли торговцы, то ли просто местные жители возвращаются откуда-то. Необязательно с базара.

Понемногу темнеет. Обе остановки были короткими, видимо, только забирали почту. И на второй, кажется, кто-то сошел. Когда солнце скрывается за лесом, бужу своих попутчиков, чтоб успели очухаться до прибытия.

Наконец доносится гудок. Значит, Меленгур вот-вот покажется. Точно – поезд неуловимо начинает сбавлять ход. В купе заглядывает Ладер:

– А, не спите? Это хорошо. Уже скоро. Таннер, можно тебя на минуточку?

Выхожу вслед за ним в коридор.

– Что-то случилось?

– Как тебе сказать... – Он мнетя, потом все же достает из кармана какую-то штуковину. – Вот, у одного из тех, что на нас напали, когда мы с побережья выходили, взял. Графу показал, но он только плечами пожал. Безделушка какая-то, мол. Память о чем-то личном. Меченый сказал только, что магии в ней нет. Просто фигурка. Но мне кажется, что это не простая цацка. А ты что скажешь?

Он разжимает пальцы, и я вижу статуэтку. Маленькую – если положить поперек пальцев, даже два полностью не перекроет. И это солдат, вне всякого сомнения. Мундир, на голове шлем, за спиной винтовка... Правда, форма шлема почему-то кажется мне странной, мундир же явно не аларийского кроя – детали переданы слишком хорошо, чтобы этого не заметить. И винтовка очень уж короткая, да и висит на плече почему-то стволом вниз, хотя по уставу положено наоборот, даже если без штыка. Фантазия мастера, слабо знакомого с армейскими реалиями? Может быть, но почему фигурка выглядит так реалистично, все соразмерно и рационально? Солдатик стоит на подставке размером с самую мелкую медную монету, только подставка втрое толще той монеты. Переворачиваю. На донце выдавлены четыре цифры. «1114». Нынешний год? Но фигурка, судя по всему, отлита или выточена достаточно давно. Может быть, даже до моего рождения. Что тогда? Какой-то номер – например, если была изготовлена партия одинаковых фигурок, а их нужно бы-

ло зачем-то различать? Код к замку? Пароль? Что гадать-то – предыдущий владелец фигурки мертв, и не факт, что он знал секрет этих цифр.

– Даже не знаю. Никогда такого не видел.

– Вот и я тоже, – вздыхает он и прячет солдатика в карман.

– Что с ним будешь делать?

– Не знаю. Если не потеряю и когда-нибудь будет у меня сын – ему подарю.

Он уходит, а я, глядя в окно на проплывающие за ним городские окраины, думаю: а ведь что-то в фигурке солдата показалось мне знакомым. Только что?

Прибытие оказывается не таким уж быстрым делом, но все же четверть часа спустя мы все стоим на тускло освещенной платформе. Нас встречают. Судя по всему, грузный мужчина лет пятидесяти в мундире, стоящий впереди – тот самый начальник местного управления Серой стражи¹. По виду – обычный служака, звезд с неба не хватающий и терпеливо ждущий выхода в отставку. Наш груз без лишней суеты и шума перекачивает в неприметные фуры, мне и сержантам достаются места в одной из повозок, явно предназначенных для перевозки солдат. Барона и его спутников я почти сразу теряю из виду, Впрочем, телохранителей там и без меня полно.

Меленгур, насколько я успеваю его разглядеть из-под тента, застройкой здорово напоминает Рекан, даже здание мест-

¹ *Серая стража* – тайная полиция Аларийской империи.

ного управления явно построено по тому же образцу.

Меня с сержантами – уж не знаю, чья это была идея, но похоже что графа, – размещают отдельно от остальных, даже ужин нам доставляют в комнату. Комнатка, правда, здорово напоминает тюремную камеру – и не только предельно простой обстановкой. Нас еще и запирают на ночь. Видя это, сержанты мрачнеют, но я лишь пожимаю плечами в ответ на их вопросительные взгляды, и они молча забираются на свои койки. Где проведет ночь Нокис, которому, как и сержантам, повезло уцелеть одному из целого отряда, но который, в отличие от них, уже вернулся к месту службы, остается лишь догадываться. Судя по всему, все же где-то по соседству. В принципе, правильно. Я бы тоже его запер, чтобы он с кем попало не общался до допроса. Хотя переживаю я за него, наверное, зря. Если все пройдет, как планировалось, то я его больше не увижу. Разве что издалека.

Утром нас будит лязг отодвигаемого засова. Завтрак.

Через час дверь открывается снова. Это Ладер. А он-то чем так доволен?

Я выхожу с ним, сержанты остаются, провожая меня недоумевающими взглядами. За моей спиной снова лязгает засов. Ладер не один, с ним его помощник, рослый рыжий парень по имени Хатрен, с лицом сельского простачка и пронзительным взглядом сонно прищуренных глаз, и двое местных «стражей» – один невысокий темноволосый крепыш в мундире лейтенанта, у другого сержантские нашивки. Лей-

тенант уходит вперед, Хатрен и сержант, наоборот, отстают.

– Ты чем так доволен? – спрашиваю почти шепотом.

– Да пару к своему солдатику нашел, – хмыкает Ладер. Лейтенант, полуобернувшись, вопросительно смотрит на него, но, увидев по-детски счастливое лицо, отворачивается. Пожимает плечами. В отличие от него, я кое-что видел и слышал накануне.

– Да ну? И где?

– Увидишь. Только ничему не удивляйся, – коротко отвечает он. В тусклом свете редких ламп выражение его лица не разглядеть, но я уверен, что он продолжает улыбаться. Только уже как-то иначе.

Свернув за очередной – третий или четвертый – угол, вываливаемся в длинный широкий коридор, который приводит нас в довольно большой зал. У широких двустворчатых дверей на противоположном его конце стоят двое местных «стражей», сбоку за массивным столом сидит молодой офицер, кажется, лейтенант. Секретарь, надо думать. Лавку у стены напротив стола заняли трое графских бойцов.

– Доложите господину майору, что лейтенант Сиден доставлен, – говорит сопровождавший нас лейтенант секретарю. Мои глаза с трудом остаются в прежнем положении. Это что такое?! Всю жизнь так именоваться я не подписывался! Вспоминаю, что поддельное удостоверение Сидена осталось в поместье, когда я отправлялся провожать меленгурцев. Ясно. Дальше оно попало к графу, неважно, как, а он, по всей

видимости, решил проверить местных коллег на наличие паразитов. Стоп... Доставлен? Я что, еще и под арестом? На полном серьезе?

Караульный распахивает створку двери, секретарь исчезает за ней на минуту, потом появляется снова со словами:

– Лейтенант Сиден, проходите, вас ждут. Лейтенант Кудер, можете быть свободны. Остальные остаются здесь.

Двигаясь к двери, вижу, как мои сопровождающие разделяются – если сержант и Хатрен усаживаются на свободную лавку в дальнем углу, то лейтенант идет к выходу из зала, изобразив пальцами всем понятный жест, а Ладер следует за ним. С той же целью, судя по его ужимкам. Надо думать, уборная тут недалеко, раз секретарь лишь кивает – понял, мол.

Что-то все-таки с этим лейтенантом не так, успеваю отметить где-то на краю сознания, пока дверь за мной закрывается.

Кабинет начальника местного управления Серой стражи мне нравится. Вполне соответствует должности хозяина, как размерами, так и обстановкой. Ничего лишнего. И цветовая гамма не раздражает.

Так, кто у нас тут? Хозяин кабинета на своем месте во главе стола, граф и барон по правую руку от него, трое местных офицеров – капитан, еще один капитан, но помоложе, и старший лейтенант – по левую. Телохранителей графа, как и Киртана с Хонкиром, не видно. Маркизы здесь тоже нет,

что, впрочем, выглядит естественно, если не знать, насколько эта дама сведуща в вопросах имперской безопасности.

– Присаживайтесь, лейтенант, – говорит майор, вполне радушно улыбаясь, когда я отбарабаниваю доклад о своем прибытии, делая все максимально четко – несмотря на то что на мне обычное одеяние наемника, а не офицерский мундир. Занимаю место рядом с бароном. Наверное, стоило сесть рядом с парнями в форме, но одет я не по уставу, да и хочется видеть их лица... зачем-то.

Хм, а что это капитан, сидящий ближе всех к начальнику – видимо, его заместитель, – как-то нервно на меня посматривает? Вроде не встречались?

Ладно, допустим, он просто ожидает подвоха от незнакомца. Я же темная лошадка, в отличие от графа или барона, о которых местные могли слышать. Если, конечно, никто никого не предупреждал о возможном появлении Сидена или Ранкена. Или еще кого – мне ведь неизвестен полный список.

Посмотреть бы на капитана «вторым зрением», но, пожалуй, не стоит пользоваться здесь подобными способностями. Кто знает, что доступно этим людям и нет ли в помещении каких-нибудь штуковин, способных поднять тревогу при попытке использовать магию.

– Какие удивительные подарки делает порой судьба, не правда ли, майор? – говорит граф со странной улыбкой, способной вызвать самые разные ощущения, вот только желание повеселиться за компанию в их число явно не входит.

Согласие с моей мыслью явственно читается на лицах местных офицеров.

– Что вы имеете в виду, ваша светлость? – Майор смотрит на него с легким недоумением.

– Всего лишь то, что лейтенант Сиден оказался единственным уцелевшим из довольно большого отряда. Да и сам мог остаться в пустыне навсегда – не встретить он барона и его людей.

Правильно, ваша светлость, не надо множить вымыслы, иначе можно запутаться. Сочиняем только там, где нельзя сказать правду...

И тут граф вгоняет в ступор не только майора и его офицеров. Не знаю, о чем он говорил с майором вчера за ужином – если, конечно, майор это предложил, а граф предложение принял, – или перед моим появлением в этом кабинете, но упоминание о Ранкене, о том, что он побывал здесь, прежде чем напал со своим отрядом на графа и его людей, а также о том, что Ранкен должен был встретиться с Сиденом (то есть вроде как со мной), да пуля помешала, звучит совершенно неожиданно и для меня. Мархена граф тоже ввернул, причем так изящно, что ни у кого не возникло бы подозрения, что все это он только сейчас сложил в одно целое.

Я-то ладно, а вот майор и его команда, похоже, сейчас будут из кожи вон лезть, чтобы не измазаться в том дерьме, которым все эти загадки пахнут. И точно – старший из капитанов, фамилия которого Сатолен, чуть ли не бегом убы-

вает собирать для графа все документы, касающиеся пребывания в Меленгуре Мархена и Ранкена. В сопровождении барона, естественно. А то мало ли...

Мне достается решение «оружейного вопроса» – со вторым капитаном, фамилия которого Витарен, я отправляюсь сверять номера и маркировку на трофейных винтовках и револьверах. Сначала мы возимся в архиве управления, где находим практически все известные нам «стволы» из списков по Мархену и Ранкену, включая те, что были оставлены в закладке в мертвом городе – по крайней мере, некоторые номера я узнаю. Оружия, доставшегося нам от моего предшественника в роли Сидена, там, естественно, нет. Вряд ли оно отсюда – очень уж извилистый путь пришлось бы ему проделать. «Стволов» отряда Камирена в картотеке Витарена так же ожидаемо не нахожу, в Меленгур бывшие соратники надсержанта Ангира не заворачивали.

Покончив с бумагами в управлении, мы с Витареном отправляемся на склады – там существует собственная картотека, и Витарен честно признается, что поскольку склады подчиняются только военным, то сами обычно не отчитываются Серой страже о «движении» оружия – только по требованию. Впрочем, препятствий, как правило, не чинят. Скрытно доставить или вывезти все равно нельзя – дорога тут одна, через город, что к имперскому тракту, что к станции. Оттуда мы возвращаемся к зданию управления ближе к вечеру – архив в управлении складов немаленький, и записи

только за последние пять лет занимают несколько больших шкафов.

Оба уставшие и голодные, направляемся сначала в столовую – все равно ничего сверх ожидаемого не нашли, куда спешить? Оттуда берем курс на кабинет начальника – все равно я понятия не имею, где искать барона или кого еще из своих.

На перекрестке коридоров, где нам нужно поворачивать налево, мы едва не налетаем на конвой. Мимо нас вдруг ведут того лейтенанта, что приходил за мной утром, и... секретаря господина майора. Надо же, а я подозревал капитана Сатолена. Мой утренний сопровождающий выглядит мрачным и... каким-то пришибленным, хотя не похоже, что его били. Секретарь же ведет себя так, словно ничего не случилось. Впрочем, ни один, ни второй нас не замечают, занятые своими мыслями.

Мы с Витареном переглядываемся, почти синхронно пожимаем плечами и продолжаем путь. Доложить-то надо.

Вместо арестованного секретаря в приемной сидит незнакомый мне офицер. Караульные у дверей стоят, как и утром, но уже другие. Вот и гадай – то ли плановая смена, то ли... Витарен хлопает глазами, я, похоже, делаю то же самое. Но он хотя бы знает человека за столом:

– Лейтенант Тарсен, что происходит?

– Лейтенанты Кудер и Весген оказались замешаны в заговоре против императора. По крайней мере, так сказал майор

Логирен, а его светлость граф Урмарен это подтвердил. Их уже увели, вы должны были их встретить.

– Да, мы их видели, – подтверждает Витарен и тут же спрашивает: – А чего Кудер такой мрачный был?

Логика рассуждений капитана мне непонятна. Я бы спросил, почему Весген выглядел так, словно обвинение в измене это всего лишь незначительное недоразумение. Тарсен собирается что-то ответить, но дверь кабинета открывается раньше. Выглядывает один из графских бойцов и, заметив нас с капитаном, на долю секунды замирает в процессе опознавания, потом делает приглашающий жест:

– Вы, двое, заходите.

Майор Логирен сидит на своем месте, но от утреннего благодушия не осталось и следа. Граф Урмарен стоит у окна и смотрит куда-то вдаль с весьма задумчивым видом.

Витарен докладывает о результатах нашего исследования, майор и граф переглядываются и кивают друг другу. Мол, чего-то такого и ожидали. Объяснив капитану его задачу в сложившейся ситуации, а также то, что сегодня ему придется ночевать в управлении, майор отпускает своего подчиненного. Мы остаемся втроем, не считая двоих бойцов графа, дежурящих у дверей.

– Полагаю, – граф поворачивается ко мне, – мы уже можем раскрыть вашу тайну... лейтенант Сиден.

– Еще тайны? – нервно хмыкает майор, протягивая руку к графину с водой.

– Вам понравится, – успокаивает его граф.

– Рискну вам поверить. И в чем же тайна?

– В том, что этого человека зовут вовсе не Сиден и он не служит в Серой страже, тем более не является лейтенантом Серой стражи.

– Ваша светлость, – встречаю я, наплевав на субординацию, – если не возражаете, я пока побуду Сиденом.

– В смысле, мне не стоит называть майору имя, под которым я вас знаю? Но ведь и оно для вас не родное, не так ли?

– Так, – соглашаюсь я, – но оно мне еще может пригодиться. А против непричастности к вашей службе я не возражаю.

– Хорошо, – легко соглашается Урмарен. – Итак, майор, будем считать, что это Сиден, но не лейтенант...

Далее следует довольно точный пересказ нашей с бароном версии гибели предыдущего носителя этого имени и того, как мне пришлось воспользоваться его именем.

– Я потрясен, молодой человек, – только и может сказать Логирен, – додуматься до такого...

Перетряхивание кабинетов обоих лейтенантов принесло немало интересного. Как оказалось, двурушничали они достаточно давно – практически с момента прибытия в Меленгур. И могли бы и дальше зарабатывать не облагаемую налогами прибавку к жалованью и возможный скачок по карьерной лестнице, если бы не досадная – для них – случайность. Когда Кудер был отправлен с Ладером по мою душу, он решил завернуть на минутку к себе, чтобы оставить кое-

какие бумаги. Благо, это было по пути. Не представляя себе последствий, лейтенант позволил Ладеру войти с ним в кабинет. Ладер сразу же увидел на столе фигурку солдатика – очень похожую на ту, что лежала в его кармане. И стоило Кудеру отвернуться, как фигурка оказалась в кулаке моего приятеля. Более того, Ладер успел заметить, что солдатик не просто похож – на нем также выбито «1114»...

Дальнейшее представить себе было несложно. Ладер не умел соображать медленно. Наверное, я еще не успел добраться до оружейных складов, как обоих красавцев взяли, что называется, тепленькими. Памятуя наши неудачи с Мархеном и Ранкеном, граф запретил допрашивать обоих лейтенантов. Так что сейчас они сидели в одиночных камерах где-то внизу, лишённые даже возможности перестукиваться. Хотя вряд ли они знакомы с тюремным телеграфом.

Проблема заключалась в том, что самое важное оба лейтенанта могли хранить только в своих головах. Но как извлечь это оттуда прежде, чем носитель секретов отправится к праотцам?

Стоп. Я был доставлен в кабинет майора утром. Вряд ли Кудер употребил слово «доставлен» по недомыслию. Таков был приказ, им полученный. Значит, граф предполагал, что, возможно, придется использовать меня в качестве якобы неизвестного ему вражеского агента. Потом, видимо, он от такого спектакля отказался. Но вот Кудер об этом знать не мог – он не видел, что я вышел с Витареном из кабинета

майора вовсе не как арестант. Кстати, а ведь и Весгена не было в приемной в тот момент, когда мы уходили. То есть...

– Ваша светлость, есть идея.

– Идея относительно чего?

– Относительно того, как разговорить этих двух красавчиков.

В глазах графа загораются холодные огоньки.

– Но ведь... Впрочем, извольте объяснить суть вашей идеи.

– Ваша светлость, мы могли бы продолжить разговор наедине? Это ни в коем случае не вопрос недоверия к господину майору...

– Я понимаю, – прерывает мои словесные реверансы Логирен, – не надо извиняться. Результат важнее. Можете воспользоваться моим кабинетом. Мне как раз нужно решить несколько вопросов, требующих моего личного присутствия.

Он выходит. Граф поднимает брови:

– И чего нельзя было сказать при майоре?

– Просто секреты лучше всего хранят те, кто их не знает.

– Это верно, – соглашается Урмарен, – но перейдем к сути дела. Как вы собираетесь их разговорить? В чем секрет?

– Напомню, ваша светлость, что Мархен умер, попытавшись ответить на прямо заданный вопрос. Полагаю, от Ранкена вы требовали примерно того же?

– Но это же был допрос! В полевых условиях!

– Мы поступим иначе, – пропускаю я мимо ушей этот всплеск благородного возмущения, – вы посадите меня в камеру сначала к одному из них, затем ко второму. В любой последовательности. Легенда у меня есть.

– Легенда?

– Ну, как называется история, которую можно скормить собеседнику, чтобы войти в доверие?

– А, понял. Вы намереваетесь...

– ...Прикинуться Сиденом, лейтенантом Серой стражи, против которого нашлись улики, подтверждающие его участие в заговоре. Например, уже после ареста этих красавцев пришла телеграмма, предупреждающая о возможном моем появлении.

– Мысль интересная...

Нарезав несколько кругов по кабинету, граф останавливается напротив меня:

– Я все же не понимаю, как вы собираетесь обойти магический замок...

– Теперь, когда мы знаем об этой штуке, есть шанс не дать ей убить агента противника. По крайней мере, до того, как он выдаст нечто по-настоящему ценное...

И вот за мной с лязгом захлопывается дверь камеры. Лежащий на койке медленно поворачивает голову в мою сторону. Это Кудер. Решили начать с него, предполагая, что он, скорее всего, был на подхвате у Вестгена – встретить, разместить, передать что-либо. Убить, если понадобится. Вся

практическая деятельность. А вот на секретаре начальника лежали связь и сбор информации. И знать он должен больше. Вполне возможно, хотя бы следующего в цепи.

– Ты? – удивленно бормочет Кудер. – Тебя-то за что?

– За то же самое.

– Да ну? На чем погорел-то?

– У Весгена... верно? ...нашли телеграмму насчет меня. Мой отряд должен был после выполнения задания прибыть в Меленгур, но скрытно, а не обычным порядком, а от него требовалось отправить сообщение кому следует, а потом обеспечить наш отъезд – так, чтобы это не отражалось в обычной отчетности. Это если без подробностей.

– Ясно... И что теперь?

– А кто его знает... Этот граф та еще ищейка. Если докапается, что я знал, что делал и для кого, то острова мне обеспечены. Хорошо хоть, от моего отряда никто не уцелел.

– Тогда чего тебе бояться? Ты ж сам себе не враг?

Разговор продолжался примерно в таком ключе несколько минут, и вдруг я почувствовал, что собеседник расслабился. Кажется, Кудер почувствовал доверие к Сидену. Кроме того, недавно был ужин, и он вполне может надеяться, что до утра будет тихо. Осторожно пробегаю «вторым зрением» по стенам. Так, вижу только иероглифы, чей заряд настроен на создание абсолютной стены. То есть через нее нельзя пропустить никакой сигнал, нельзя разбить кладку или выбить дверь. А вот внутри помещения может происходить все что

угодно или тоже есть какие-то ограничения?

Разговор постепенно сходит на нет, Кудер замолкает. Кажется, начинает проваливаться в дрему. Ну-ка, посмотрим, что у него там под черепной коробкой... Осторожненько...

Вот оно. А сразу и не заметишь. Кольцо. Чем-то похожее на то, что в запале у штатной армейской гранаты. А по назначению – его точный магический аналог. Если бы я уговорил Кудера решиться признаться, на кого они работали, то он умер бы, едва успев открыть рот. А если попробовать сделать колечко неизвлекаемым? Сам замок мне не вытащить.

Так... вроде получилось. По крайней мере несколько минут у меня точно будет, если вдруг эта субстанция сумеет разорвать мой узелок. Бужу Кудера и...

Кудер действительно знал не слишком много. И я бы поверил, что он простой винтик в системе, тупой исполнитель, если бы не солдатик с выбитыми на подставке цифрами. Но солдатик просто кричал, что его хозяин нечто большее, чем всего лишь звено в цепи.

Кудер мог действовать самостоятельно, получая приказы напрямую, – у него был собственный, неизвестный Весгену канал связи с посредником. И он дал мне его вместе с паролями и адресами. Назвал несколько имен, включая те, которые «только на крайний случай».

А потом натянувшееся до предела кольцо сумело вырваться из моего капкана. Нацеленная лишь на одну задачу магия оказалась ловчее моего неумелого сознания.

Кудер захрипел, повалился на кровать и затих. Все.

Подхожу к двери. Стучу. Та со скрипом отворяется, на пороге возникает граф, из-за его плеча выныривает Ладер.

– Ну?

– Кое-что есть, ваша светлость.

Ладер тем временем осматривает покойника.

– Мертв.

– Точно?

– Мертвее не бывает... Такое ощущение, что у него голова внутри пустая. Легкая очень.

Да уж, теперь там точно пусто. Граф протягивает мне лист бумаги и карандаш.

– Можешь записать, что он тебе сказал?

– Конечно. – Лист быстро покрывается кривоватыми – а меня трясет, оказывается... а кажется, что совершенно спокоен – строчками. Урмарен берет листок, подносит к глазам.

– Ну-ка, ну-ка... Вот оно, значит, как... Ну что ж, кое-кому очень скоро не поздоровится... Так, а что с Весгеном? Сейчас за него возьмешься... – он критически смотрит на мои дрожащие руки, – или до утра отложим... хотя бы?

Очень хочется растянуться на кровати и закрыть глаза. Но что-то мне не верится, что у нас так много времени в запасе.

– Дайте мне полчаса, привести себя в порядок. И продолжим.

– Может, все-таки до утра подождем? Поздновато как-то... Еще заподозрит чего, – встрял Ладер.

– До утра много чего может случиться, Таннер прав, – решительно говорит граф. – Так... Таннер, полчаса, чтобы очухаться. Хатрен, проводишь его... нет, не туда, откуда вы его утром вытащили, в вашу комнату. Сержант! Тело – в морг. Ладер, ты со мной.

Помощник Ладера почти тащит меня по полутемному коридору. Наконец заводит куда-то, помогает стащить надоевшую за день обувь. Я едва не выношу головой зеркало над раковиной умывальника. Старательно, не жалея холодной воды, окатываю лицо. Фух, вроде отпускает. Плюхаюсь на кровать. Закрываю глаза.

– Эй, ты как? – это Хатрен, почуявший, что со мной явно неладно.

– Жить буду, – отвечаю, не поднимая век. – Я полежу немного, минут через двадцать разбудишь.

– Сделаем, – звучит в ответ, и я проваливаюсь в темноту... чтобы почти сразу быть выдернутым обратно.

– Таннер! Таннер! – а это уже сам Ладер, а не его помощник.

– Что стряслось?

– Ну, как тебе сказать... Похоже, Весген этот себя всех умнее посчитал. И что никому ничего не должен. Ну и...

– Что?! – Я вдруг снова чувствую себя сжатой пружиной, меня чуть ли не подбрасывает на кровати.

– Успокойся, – машет руками Ладер, отступая к стене. – Можешь спать дальше... Короче, Весген, видно, сам захотел

рассказать все, что знал. Посидел в холодной камере, протрезвел слегка. Занервничал. И, наверное, начал в дверь стучаться и кричать. Часовой далеко стоял, разобрать ничего не смог. Говорит только, что орал не больше минуты, а потом затих. Этот идиот посчитал, что тот просто успокоился. Открыли камеру сейчас – а он уже и остыл...

М-да, хотелось как лучше, а вышло в окно. Ладно, чего уж там. Плюхаюсь обратно, бормоча сквозь зубы:

– Что бы ни случилось, до завтрака не будить.

Чьи-то голоса, бубнящие что-то, лязгает дверь... И тишина.

Как ни странно, но выспаться мне дали. Даже к завтраку не разбудили. Сам же я очухался ближе к обеду и обнаружил сидящего рядом Кравера. Графский лекарь, удовлетворенный моим состоянием, сообщил, что это был приказ его господина – мол, если понадобится, то не будить меня до самого отъезда.

– Отъезд? Когда?

– А сегодня. Вечером. Да ты успокойся. Тут уже все успокоились.

– В смысле, успокоились?

– Ну, эти двое померли. По бумагам пойдет как несчастный случай. Отравились чем-то или еще что. Еще пятерых, на лишнюю деньгу купившихся, просто уволят. За это, как его...

– Служебное несоответствие?

– Точно, граф так и сказал. Для высокого начальства все будет выглядеть, как происшествие, недостойное серьезного внимания. Капитана, который майору заместитель, накажут как-то – недосмотрел, мол. Выговор объявят или денег недодадут. Но на должности усидит, со службы тем более не попрут. Тут и так не столица. Даже если в Ларинир переведут, хуже ему не будет. А в целом все чисто, пусть хоть завтра проверка из столицы приедет.

Надо же... А Краверу-то Ларинья чем не нравится?

– Ясно, – говорю, – а мне-то что теперь делать?

– А что тебе делать? Багаж твой никто не распаковывал, оружие лишнее сдали, охранять твоего хозяина и без тебя есть кому. Его светлости тоже сейчас не до тебя, сам понимаешь.

Спрашивать, чем занята маркиза, я, пожалуй, не стану.

– Ладно, я пойду, – лекарь поднялся с тихо скрипнувшего стула, – у меня, в отличие от тебя, кое-какие дела перед отъездом имеются. Тебе обед сюда организовать или в столовую позвать, когда будет готово?

– Лучше позвать. Надоело в одиночестве лопать.

Оставшийся до обеда час я просто провалился на кровати с закрытыми глазами, пытаюсь как-то вписать в свою картину мира все те сведения, что дотянулись до моих глаз и ушей в последнюю неделю. Но не сильно в этом преуспел, так что появление посланного за мной Хатрена меня даже

обрадовало.

Парень уже неплохо освоился в здешних лабиринтах, так что до столовой мы добрались быстро. Народу немного. В основном наши. Хонкир, Ладер, напарник Хатрена, имя которого я никак не могу запомнить, двое графских бойцов, Кравер тоже здесь. Есть и местные, человек семь, в том числе пара сержантов. Ни одного офицера. А ведь Серая стража – не армия, здесь отдельные столовые или залы в столовых не приняты. Значит, все при деле, кто на службе. Впрочем, местные лишь бросают любопытные взгляды на моих попутчиков, познакомиться и пообщаться никто не пытается. В углу, в стороне от всех, я не сразу заметил телохранителей маркизы. Точнее, сначала я почувствовал... взгляды? Вот же ж... И ведь косятся с самого постоянного двора Барена... Ладно, когда-нибудь придется выяснить отношения. Но не сейчас. Сейчас я есть хочу.

Вслед за Хатреном подсаживаюсь к Ладеру и Хонкиру. Слуга барона что-то негромко обсуждает с графским лекарем. Они приветствуют меня и снова возвращаются к разговору, смысл которого уловить мне почему-то не удастся. Заметив это, Ладер лишь усмехается.

– Не обращай внимания. Прошлые дела.

Пожимаю плечами – не сильно и хотелось – и придвигаю к себе тарелку. Не успеваю доесть суп, как краем глаза замечаю, что Тилен с Ксивеном внезапно покидают свой угол и направляются к выходу. Мне показалось, или Тилен дей-

ствительно чуть замедлил шаг у одного из столов с местными «стражами» и как будто что-то уронил на столешницу? Телохранители маркизы проходят мимо, обдавая меня чем-то похожим на ползучий сквозняк, которого почти не чувствуешь, но потом... О, вот оно. Рука сержанта – кстати, того самого, что вчера был с Кудером, – как бы случайно скользит по краю стола. Еще минута. Сержант встает, унося пустую посуду. На столе тоже ничего не видно. Девять из десяти, что он получил какое-то послание.

А ведь все может объясняться очень просто. Например, Кудер с Весгеном – мелкая сошка. Параллельная агентурная сеть, предназначенная на заклятие в случае провала. Очень хорошо в такую схему укладывается обилие улик, найденных в кабинетах и квартирах обоих лейтенантов. Настоящий резидент может оказаться этим сержантом или вовсе каким-нибудь рядовым, вроде Нокиса, только постоянно находящимся в здании управления и имеющим доступ к телеграфу, а не разъезжающим по всему сегету².

Но причем здесь телохранитель маркизы? Или мои подозрения насчет того, что среди нас есть вражеский агент, начинают оправдываться? И ведь не побежишь же за сержантом. Даже не подкараулишь его у покоев маркизы, ибо я понятия не имею, где разместили ее и где – Тилена с Ксивеном.

² *Seget* – административно-территориальная единица нижнего уровня в Аларийской империи (аналог района); в основном границы прокладывались из расчета относительной доступности центра сегета для окраин (не более одной ночевки в пути, то есть в пределах радиуса в 50 тиг).

– Ладер, – ловлю графского наемника в полумраке коридора, – можно сделать так, чтобы телеграф здесь дня три не работал? А лучше чтоб пока мы до столицы не доедем.

– Зачем? – искренне удивляется он.

– Потом объясню. Ты скажи – можно?

– Вряд ли. Проследить-то некому будет, чтоб не заработал раньше времени. Разве что до нашего отъезда. На местных в этом положиться нельзя. В чем дело-то?

Отрываемся от остальных, и я тихо излагаю ему свои подозрения.

– Толку-то, – говорит он, покрутив эту идею и так и этак. – Поломаешь здесь, аппарат на станции останется. Оба они одновременно накрыться никак не могут, сам понимаешь – подозрительно будет выглядеть. Это надо из города выбирать-ся и провода рвать. Так ведь до них еще добраться надо.

А то я до сих пор не заметил, что предельно дешевое развешивание телеграфных проводов по столбам в этих краях не практикуется. Судя по всему, они и закопаны глубоко, и наверняка защищены какой-нибудь простой, но эффективной магией – если уж к насыпи с рельсами не всякий подойдет, то прервать телеграфное сообщение далеко не любая случайность сможет.

– Ладно, – говорю, – а выяснить, что общего у этого сержанта с Тиленом, можно?

– Это тоже будет непросто, – после некоторой паузы задумчиво отвечает Ладер, – но все же легче, чем телеграф пе-

перезапустить. А знаешь что? Давай мы сейчас попробуем их перехватить или хотя бы выяснить, что одному нужно от другого. Думаю, вряд ли Тилен ориентируется здесь лучше нас. Значит, он не будет бродить по коридорам, а будет сидеть и ждать. И я знаю, где.

Через пару минут мы оказываемся в том крыле здания, где разместили и высоких гостей, и слуг с телохранителями. Надо же, не думал, что это так далеко от того места, где я провел предыдущую ночь. Впрочем, довольно близко от майорского кабинета.

Жест, изображенный Ладером, призывает к полной тишине. Так, вон в той большой нише, подсвеченной тусклыми лампами, скрывается выход к лестнице. Но вряд ли сержант появится оттуда – тем путем не пройти незамеченным, коридор этажом ниже проходит через приемную майора, где всегда кто-то есть, и в коридоре тоже, и освещение там не лишь бы было, а на нижних этажах выход на эту лестницу закрыт: Хатрен проверял. Да и круг немалый получится, если через подвал обходить. Значит, сержант воспользуется другим маршрутом. Благо, концы коридора освещены слабо.

Открывается дверь, в коридоре возникает Ксивен. И направляется к лестнице. И вид у него, похоже, слегка озадаченный. Его шаги стихают в отдалении. Минута, вторая... Дверь снова открывается. Выходит Тилен, смотрит в одну сторону, другую, потом поворачивается вокруг своей оси – медленно и по часовой стрелке – и заходит обратно, немно-

го задержавшись на пороге... и как бы случайно скользнув рукой по косяку.

– Погоди-ка, – шепчет Ладер, прислушиваясь и оглядывая дальние концы коридора. Вроде никого. Он бесшумно скользит к только что закрывшейся двери и возвращается, что-то сжимая в кулаке.

– Смотри, что это?

На ладони появляется листок серой плотной бумаги, сложенный в аккуратный многослойный квадратик. Осторожно разворачиваю. Семь одинаковых коротких строк убористым почерком. Какая-то абракадабра. Знакомые буквы, никак не складывающиеся в понятный текст. Скорее, полная бессмыслица, да еще и без разбивки на отдельные слова.

Старательно впечатываю в память странные строки, потом привожу листок в прежний вид.

– Теперь верни на место. Нужно, чтобы адресат его получил.

Ладер молча проделывает требуемое, и мы снова скрываемся в одной из ниш, куда не дотягивается неверный свет мерцающих ламп.

Вовремя. Слух ловит звук сильно приглушенных шагов. Ксивен? Нет, кто-то другой – Ксивен должен появиться со стороны лестницы, а этот идет из дальнего конца коридора. Сержант?

Вроде он. Тот же рост, телосложение, походка. Форма, в конце концов. Знаки различия поблескивают и при таком

освещении. Лица, правда, не разглядеть. Зато и он нас не видит. Невольно вжимаюсь в стену, когда тот проходит мимо. Надо же, не почувствовал. Сержант останавливается у двери. Похоже, нашел бумажный квадратик. Ага, спрятал в карман. Что теперь? А ничего. Сержант легонько ударяет ребром ладони в дверь – звук едва слышен даже нам – и уходит, медленно, спокойно. Словно он просто патрулирует коридор.

Проходит мимо нас. Теперь свет падает ему на лицо. Демон меня пережуй, а это ведь не сержант! Точнее, сержант, но не тот, которого мы ждали.

Неважно. Главное, что Тилен нам сейчас не нужен. Все равно ни в чем не признается. Прямых доказательств нет. Записку – или что там было в столовой – он передавал другому человеку. С этим даже не прошел рядом. Доказать, что он писал что-то на серой бумаге, невозможно. Равно как и заставить его это расшифровать. Но сейчас нужно не это – сейчас нужно выяснить, что будет делать сержант. Или сержанты. Или сколько их там.

Ситуация, однако. Ладер одновременно и нужен, и очень мешает. Нужен как проводник и как боец – если дойдет до драки. Как свидетель – на потом. И мешает воспользоваться некоторыми скрытыми возможностями. Даже на «второе зрение» я опасаясь при нем переходить. Почему-то кажется, что он не только заклинаниями и артефактами пользоваться умеет – теми, для применения которых не надо быть магом даже начального уровня, но и способен чувствовать любую

магическую активность. Вполне возможно, он давно подозревает, что я не только предчувствовать опасность могу.

Ладно, авось обойдется.

Почти распластавшись по стене, движемся вслед за сержантом. Тот, конечно, напряжен, но о нашем присутствии явно не подозревает. Путь полон малопонятных зигзагов. Он то спускается, то поднимается. Наконец в дальнем крыле цокольного этажа упирается в окованную железом дверь, на которой что-то нарисовано. Что – нам не видно. Площадка перед дверью хорошо освещена, ближе не подойти. Сержант достает что-то из кармана. Похоже то ли на ключ, то ли... нет, просто полоска металла. Пластина вставляется в невидимую прорезь. Хруст, писк, щелчок. Дверь медленно, с чуть слышным шелестом открывается. Сержант еще раз окидывает взглядом видимую ему часть коридора и входит. Дверь начинает закрываться...

Ладер бросается вперед. Я пытаюсь угнаться за ним. Он успевает вскочить внутрь, мне же приходится уже продавливаться в продолжающийся уменьшаться зазор...

Внутри гораздо светлее, чем в коридоре, хотя окон в помещении нет. Что-то гудит.

А сержант – ну точно, совсем не тот, которого я приметил в столовой, – живописно распластался на полу, голова замерла между ножек чудом не улетевшего никуда стула. Над сержантом возвышается Ладер, с довольным видом потирая кулак.

Легкий щелчок возвещает, что дверь наконец закрылась.

– Ну что, боец, поговорим?

Сержант пялится на Ладера, глупо хлопая глазами.

– А... о чем?

В руках у Ладера чудесным образом оказывается серый листок, причем уже развернутый.

– Начнем с этого. Это что?

– Э-э... какая-то бумажка?

– Хм, а поточнее?

– Я... не знаю.

– Не знаешь? И как это оказалось у тебя в кармане, тоже не знаешь?

– Не знаю. Может, вы подбросили? Ну... или в коридоре подобрал.

– Зачем?

– Да чтоб не валялось, – а сержант, похоже, начал успокаиваться. Не к добру это.

– Погоди-ка. – Подхожу ближе, переворачиваю листок.

Какой-то перечень вещей, явно необходимых женщине. С оговорками, указывающими на то, что необходимы они в дороге. Опа, а где то, что видели мы прежде? Или это другая бумажка? Да нет, вроде та же. Размер, фактура, помятости, вкрапления чего-то. Даже строки лежат на прежнем месте. Вот только теперь на листке не шифр, а какая-то банальщина.

Увидев мои поднявшиеся брови, Ладер выхватывает у ме-

ня листок, глаза его тоже расширяются от изумления, но потом он кладет листок на ладонь и проводит сверху другой рукой, прикрыв глаза. На его лице снова появляется хитрая ухмылка. Кажется, я был прав, когда осторожничал. Ладер же рывком подхватывает сержанта за ворот куртки.

– А меня такой шутке научишь, боец?

– Какой шутке?!

– А такой вот...

Я не вижу лица Ладера, но легко могу представить его выражение по этой кошачьей интонации:

– Здесь же совсем другое было написано!

– Я...

– Ты не в курсе, что я видел этот листок до того, как ты его в карман положил? Сюрприз! Больше того, я видел, как ты его «подобрал» и кто его там для тебя «уронил». Да, развернул и посмотрел, что там написано...

– Что... Вы... Это не подмена? Что? Что вы с ним делали?! – Похоже, наш сержант перепугался не на шутку.

– С листком?

– Да! – Сержант, дернувшись, едва не разломал стул – весьма прочный, между прочим, на вид. Это что же, мы, развернув листок в первый раз, запустили какую-нибудь зловредную хреновину типа наведения порчи на лишние глаза?

– А чего мы не должны были с ним делать? – вкрадчиво так интересуюсь. Хотя не факт, что мы можем не бояться.

– Это лигарпа!

– Что? – вырывается у меня.

Ладер поворачивается ко мне, и его взгляд мне не нравится.

– Послание, которое может прочитать только увидевший первым после написавшего. Ну, и тот, кто смотрит вместе с ним. – Я не спрашиваю, откуда Ладер это знает.

– Ясно... А что означает изменившийся текст?

– То, что прочитавший его умрет. То есть увидеть настоящее послание можно только один раз. Потом оно меняется на какую-то бессмыслицу с зашифрованным в ней заклиением. – Сержант даже в здешнем освещении выглядит поседевшим от страха.

– То есть...

– То есть мы с тобой не пострадаем, – отвечает за сержанта Ладер, – нас защищает то, что мы видели неизменный текст, мы, если хочешь, помечены крестиком, а вот этому парню предстоит досрочное увольнение со службы.

Я, отодвинув в сторону обычную осторожность, перехожу на второе зрение. Верно, у письмеца аура, похожая на сгусток бордового дыма, и она расплзается вокруг головы сержанта Хикрена – такая фамилия вписана в удостоверение, – постепенно окружая ее и сжимаясь. Странная идея. Неужели мало было зашифровать? И ведь никакой уверенности, что послание не попадет не по адресу. Хотя определенный смысл в этом есть. Случайный читатель – вроде меня или Ладера, только ничего вовсе не подозревающий – увидит лишь ниче-

го не значащую кашу из букв и цифр. И наверняка попытается показать ее тому, кто может в этом понимать. Причем, скорее всего, не догадается прежде всего запомнить или переписать шифровку. И вот тот, кто может понять написанное, умрет, даже не успев понять, что оказалось в его руках. Но тогда... Нет, не складывается. Вряд ли Тилен – или кто написал записку? – рассчитывал на то, что мы, пусть и в порядке нежелательного для него развития событий, ее найдем и бросимся показывать графу Урмарену. Хотя действительно, сначала ее должен был бы увидеть граф, чтобы решить, что с ней делать. И увидеть после нас... Нет. Это пахнет параноидальным бредом. Слишком высока доля случайности. Хикрен же имел недвусмысленные инструкции. Он не должен был разворачивать записку – текст должен был увидеть только телеграфист. Значит ли это, что он тоже в деле? Вовсе нет. Он знает Хикрена, и не только в лицо. И наверняка регулярно отправляет и принимает зашифрованные телеграммы. И, само собой, никуда не переписывает их секретные тексты – разве что фиксирует время отправления да адрес получателя в особый журнал. А если учесть, что получатель, скорее всего, лицо подставное...

Но сначала надо хотя бы притормозить темный сгусток, все плотнее прижимающийся к голове сержанта. Вдруг он знает, кому должна была уйти телеграмма? Мысленно разрывая темное кольцо, сматываю его в клубок и задвигаю его в серое облако, нарисовавшееся тут же над головой сержан-

та. Пригодится еще. Облако тут же растворяется, но я знаю, что оно никуда не подевалось. Хорошо еще, что Ладер вместе со мной видел изначальный текст лигарпы.

– Слушай, Хикрен, хочешь пережить это недоразумение с бумажкой?

– Конечно! Но...

– Я могу помочь тебе не умереть. Честно. Только сначала ты скажешь нам, кому ты должен был отправить это сообщение.

– Но ведь...

– Имя и адрес!

В глазах сержанта вспыхивает граничащая с безумием надежда. Он диктует адрес, Ладер записывает. Конечно, чего-то такого я и ожидал. Столичный телеграф, номерной ящик, предъявителю ключа, до востребования, без подтверждения получения.

– До востребования?

– А что такого? Они там могут и два раза в день справляться. И три. И наверняка у получателя удостоверение Серрой стражи есть, которое снимет любые вопросы, если вдруг какой служащий телеграфа захочет бдительность проявить.

С этим не поспоришь. Даже если это не вся правда.

– Ну, и что с ним делать будем? – Ладер пожимает плечами, потом спрашивает:

– Слушай, боец, а ты должен был кому-то доложить, что телеграмма отправлена?

– После отправки я должен был вернуться туда, где взял послание, и оставить на том же месте клочок бумаги. Простой обрывок, без надписей, даже не сложенный никак – разве что пополам, чтобы из-за доски не вывалился.

– И все?

– Все...

А ведь врет. Врет. Почувствовал, что смерть отступила? Заставить его выложить все, что знает? Это не сложно, но зачем? Уверен, что никакой по-настоящему ценной информацией он не владеет. Будь иначе – его бы на это не послали. Тот сержант, который получил сигнал в столовой, наверняка стоит гораздо выше среди этой... агентуры. Как-то с трудом верится, что он просто передал кому-то условный знак, или что там было, и удовольствовался несколькими монетами за молчание и отсутствие любопытства. Сеть вряд ли велика, если состоит только из тех, кто здесь служит.

А мне важнее сохранить в тайне свои «дополнительные способности». Нет, не буду я ковыряться в его голове. Толковый маг и в мертвой башке найдет следы этого ковыряния. Пожалуй... Отвожу Ладера в сторону:

– Как думаешь, он нам в каком виде больше подгадит – живым или мертвым?

– Живым, конечно, – в голосе наемника нет сомнения. – Даже если угодит под трибунал, вполне может успеть что-нибудь устроить. Если ты действительно как-то остановил заклятие лигарпы, самое время его отпустить.

– Уверен?

– А то я не понимаю, что мы вскрыли только верхний слой гнили! И если этого парня никто из тех, кого взяли сразу, не знал или почему-то не выдал... Значит, он не так прост, как хочет казаться. Нутром чую, если сейчас сохранить ему жизнь, мы очень скоро об этом пожалеем...

И я чувствую, что он прав. Мой внутренний страж еще не кричит, но уже беспокойно шевелится, наполняя холодом затылок.

– ...А так, если его найдут мертвым, никто не подумает на нас. Даже тот, кто написал чертову лигарпу, скорее всего, посчитает, что этот идиот просто что-то пропустил мимо ушей при инструктаже. И даже если нас кто-то видел, это все равно будет меньшим злом.

Хочется возразить, но я думаю так же, как он.

Облачко плавно растворяется, освобожденное от моего запрета, а темная дымка устремляется к вожаемой цели.

– Ладно, парень. Можешь быть свободен, – говорит Ладер, разрезая веревки.

– Вы меня отпускаете? – Сержант, не веря своим глазам, поднимается на ноги.

– Услуга за услугу. Ты помог нам – мы отпускаем тебя. Ничего совсем уж непростительного ты не совершил. Ну, ошибся, с кем не бывает. Не ломать же тебе жизнь из-за этого, – голос Ладера едва не сочтется медом. Хикрен, мелко кивая и стараясь не поворачиваться к нам спиной, пятится к двери,

потом одним рывком почти выпрыгивает в коридор и бросается прочь.

– Как думаешь, далеко он убежит?

– Это вряд ли, – говорю я, глядя, как силуэт беглеца растворяется в полумраке коридора. И видя, как едва темная дымка, больше ощутимая, чем видимая, сокращает разрыв.

– Надо возвращаться.

– Я вот думаю – что делать с телеграммой?

– А что с ней делать? – в голосе Ладера сквозит непонимание. – Не отправлять же?

– Да нет, конечно, мы же не знаем, что в ней.

– Вот да, – кивает он, – нам ее не прочитать, а обратиться за помощью не к кому. У нас своего «чтеца» нет, а к местному я бы обращаться не рискнул. Вдруг он тоже повязан?

И тут я с ним тоже спорить не стану.

Из глубины коридора доносится сдавленный полукрик-полухрип и глухой стук падающего тела.

– Меньше минуты, – с легким удивлением отмечает Ладер, и мы сворачиваем к лестнице.

Нас никто не видел.

А я вдруг вспоминаю фамилию того сержанта, который приходил за мной с Кудером и чья рука смахнула со стола нечто, оброненное Тиленом. Пелер. Попросить, что ли, лейтенанта Тарсена вызвать его? Не искать же его, в самом деле, по всему управлению? Вопрос только в том, Пелер ли шеф этой непонятно чьей и на что нацеленной агентурной

сети. Возможно, настоящий резидент – это кто-то вроде моего почти приятеля Нокиса. Впрочем, скорее всего, он не настолько низко стоит в местной иерархии. Это если не кто-то из сержантов или младших офицеров, то хотя бы стрелок из штурмовой роты. Человек, имеющий доступ в большинство здешних углов, хотя бы под видом неправильно понятого приказа. И при этом не привлекающий внимания.

Едва мы добираемся до комнаты Ладера, по коридорам прокатывается хорошо ощутимая волна паники. Похоже, Хикрена уже нашли.

Вещи Ладера уже упакованы – Хатрен постарался. Моего багажа здесь нет. Он лежит где-то среди вещей барона.

Входит Хатрен. Вид у него неожиданно взволнованный.

– А, вот вы где. Говорят, какого-то парня нашли мертвым. На здоровье не жаловался – все-таки в штурмовой роте служил, а тут вдруг сердце прихватило.

– Сердце, говоришь?

– Ну, мне так сказали. Хозяин приказал быть в готовности. Через два часа мы должны быть на вокзале. Они, конечно, могли задержать поезд, но хозяин запретил.

– И то верно, – фыркает Ладер, – не нравится мне этот городишко. Ладно, Хатрен. Вы с Дикером займитесь багажом, а мы с Таннером должны перед отъездом найти кое-кого.

Дикер – это второй помощник Ладера. Ушлый тип. Не удивлюсь, если прежде он промышлял по чужим карманам. Впрочем, иногда это нужно и Серой страже – чем еще объ-

яснить, что он здесь, а не заперт где-нибудь?

Времени мало, а нам еще надо успеть выцепить Пелера – если, конечно, тот еще ни о чем не знает. Потому что если знает, то вряд ли мы его найдем.

Спустя час мы можем лишь сокрушенно разводить руками. Пелер исчез. Причем еще до того, как нашли мертвого сержанта. Пелер вышел из здания, доверительно шепнув дежурному сержанту, что офицер из проверяющих – я, что ли? – забыл на армейских складах какую-то свою вещицу и отправил его за ней.

Естественно, никто его больше не видел. Спешно отправленная на склады группа из бойцов графа и местных обнаружила лишь изумленные лица тамошнего персонала. На двери его клетушки нашли едва заметный – пальцем по пыли нарисованный – знак: круг, перечеркнутый вертикальной линией, нижний конец которой заканчивался косым крестом. Наверное, это был сигнал сообщникам, но что он означал – залечь на дно или немедленно делать ноги – оставалось лишь догадываться. Хотя до нашего отъезда больше никто не пропал и не умер, вряд ли это означало, что Пелер предпочитал работать в одиночку.

Наверное, этот тур мы бы проиграли вчистую, если бы не майор Логирен. Он распорядился изолировать всех рядовых и сержантов, которые не были местными и не имели родственников в городе или окрестностях, проживающих тут дольше, чем эти бойцы служили в здешнем управлении.

Таких, к счастью, было немного – около десятка, а офицерам выход за пределы управления без письменного разрешения майора был запрещен еще вчера. Подозреваю, многое из бурной деятельности местного начальства на пару с графом Урмареном осталось вне моего поля зрения. Хотя вряд ли это поможет вернуть Пелера.

Оставался Тилен, но что мы могли ему предъявить? То, что до сих пор он не попадал под подозрение – во всяком случае, всерьез, – говорит о многом. Во всяком случае, о его уровне как агента – если он враг. Может, лучше будет сделать вид, что к нему претензий нет? Вот только как понять, какое отношение он имеет к лигарпе – ведь ее мог изготовить и Пелер, и ящик на столичном телеграфе был его, а не Тилена, способом связи. Возможно, Тилен и вовсе сочинил лишь текст сообщения, а шифровал и колдовал кто-то другой? Однако почему лигарпа ждала сержанта Хикрена именно на двери комнаты телохранителей маркизы, а не где-нибудь еще? Причем заложил ее в тайник именно Тилен? И именно тогда, когда Ксивена не было поблизости? Стоп. А ведь Ксивен мимо нас не проходил – он ушел тогда в сторону другой лестницы. Почему я решил, что он выглядел озадаченным? А главное – с чего я взял, что лигарпа не была заложена в тайник до нашего появления? И сделал это Тилен, а не кто другой? Но пусть даже Тилен действительно всего лишь случайно провел рукой по дверному косяку рядом с закладкой. В конце концов, было темно, полностью ручаться

ни за что нельзя. Но тогда зачем он вообще выходил в коридор? Может, он ждал кого-то? И ради этого услаб Ксивена?

Когда я начинаю излагать всю эту кучу предположений Ладеру, он сразу же поднимает руки:

– Избавь меня от этого! Суть я понял – парень пованивает, но ухватиться пока не за что.

– И что делать? Приглядывать за ним? Так он не дурак, заметит и сбежит. Хорошо, если ничего при этом не натворит. А граф тебе простит, что подозрениями не поделился?

– Так это твои подозрения. Я за тебя ими не поделюсь...

Короче говоря, пока я думал, как поизящнее приподнести весь скопившийся в моей голове ворох мыслей графу, пришло время проделать обратный путь до станции. Тут Кимер и Ангир, о которых я почти не вспоминал последние сутки, снова поступили в мое распоряжение – майору Логирену хватало забот и без них, граф тоже ничего на их счет не придумал. И поговорить с Урмареном или хотя бы бароном без посторонних ушей у меня так и не вышло. Мои подопечные были рады как видеть меня, так и просто оказаться вне стен управления. На лицах местных офицеров тоже читалось плохо скрываемое облегчение по поводу нашего отъезда. Один Витарен, успевший почувствовать ко мне расположение во время совместного бесплодного копания в архивах, тепло со мной попрощался. Впрочем, остальных, кроме капитана Са-толена, заместителя майора, я и не знал – сам майор на вок-

зал не поехал, сославшись на занятость. Впрочем, кучу ему и в самом деле предстояло разгрести изрядную.

На вокзале нас ждала еще одна неприятность.

Куда-то подевался дежурный телеграфист, а вызванный ему на замену другой работник, живший неподалеку, заявил, что аппарат сломан. Точнее, из него вынуты детали, которых на складе нет, и заказывать их надо в столице или снимать с любого другого аппарата. Других аппаратов в Меленгуре только два – на военных складах и в управлении Серой стражи. Ни тот ни другой выводить из строя нельзя, да и все равно на доставку и установку деталей требуется время.

До нас уже донесся гудок приближающегося поезда, и граф, поразмыслив, приказал приступить к погрузке, как только это станет возможным. Телеграммы он решил подготовить в пути и отправить со следующей станции. Предложение Сатолена о помощи он отверг, сочтя свой план более надежным – вдруг оставшиеся нераскрытыми враги уничтожат или подменят его послание? Капитану же он приказал просто заблокировать работу обоих исправных аппаратов хотя бы на сутки.

И вот мы уже в поезде. Я снова делю точно такое же купе с теми же попутчиками, и когда город окончательно пропадает из виду, а потом и идущий вдоль насыпи тракт отваливается в сторону и скрывается в лесу, меня вдруг одолевает ощущение, что эти два дня в Меленгуре мне просто приснились...

И тут в дверном проеме возникает физиономия Ладера. Глядя на меня, он говорит:

– Выйдем, а? Разговор есть.

– А нам что делать, если вы надолго? – не выдерживает Ангир, игнорируя осуждающий взгляд Кимера.

– А вы, парни, – хмыкнув, отвечает Ладер, – действуете по прежней схеме – сидите тут и не высовываетесь. Если что – вы из эскорта графа Урмарена. Все понятно?

– А если...

– Что, кондуктор заглянет? Билеты на вас выписаны, у него отмечены. Разве что поинтересуется, где третий пассажир. Так это не его дело. Всех прочих и вовсе посылайте по-дальше. И не напрягайтесь так, верну я вам вашего командира еще до ужина.

Услышав об ужине, лариниец расслабился и даже почти улыбнулся. Ужин для солдата дело святое. Даже если форма на нем не армейская. Впрочем, сейчас Ангир с Кимером одеты на мой манер – как наемники, в полувоенную одежду без знаков различия, если не считать графский герб на шевроне на рукаве, чтобы меньше вопросов возникало в пути.

Время, к слову, идет, а что-то с ними делать надо. Оно, конечно, хорошо, что майор Логирен с пониманием отнесся к проблемам двух совершенно чужих ему сержантов, и по всем бумагам (и тем, что лежали в архиве конторы Логирена, и тем, что вез граф на случай, если придется их – или только бумаги, или с сержантами вместе – отправить к ме-

стам службы) выходило, что Кимер добрался до Меленгура самостоятельно – после того как все его соратники погибли. В компании Нокиса, конечно. А по дороге к ним присоединился надсержант Ангир.

Пришлось потрудиться еще в Каменной Розе, сочиняя непротиворечивую историю о том, как некие бандиты – никак не диверсанты или чьи-то шпионы, это уже повод для большого шороха – сначала напали на станции на оказавшуюся слишком малочисленной группу лейтенанта Астирена, в итоге лейтенант и Дигус погибли, затем в дело вмешался слегка припозднившийся отряд капитана Камирена, но, преследуя преступников, угодил в засаду. Группа Сунгира то ли была взята в плен, то ли пропала при продолжении преследования. Оставшись один, Ангир похоронил убитых товарищей, потом встретил Нокиса с Кимером, которых сердобольные селяне везли со станции в поместье, славное своим лекарем. По крайней мере, это объясняло, почему троица прибыла в Меленгур лишь несколько недель спустя.

Сочиненная мной история всем понравилась. Конечно, если хорошо покопаться, можно найти и Нокиса, и всех прочих, кто поможет найти изъяны и в рапортах, и в том, что они сами расскажут. Но это если зачем-то задаться такой целью. Вряд ли кто-то станет официально посылать в Меленгур и «дальше в лес» следственную группу из столицы, а у местных уже есть готовые ответы на все вопросы. Уцелевшая часть сообщников Пелера сейчас затихарилась, да и в любом

случае ничего о Кимере и Ангире не знает. Их в Меленгуре вообще мало кто видел, еще меньше тех, кто знает правду. К тому же сержанты – слишком незначительные величины в большой игре. А очень желанную для кого-то смерть Мархена показания Кимера сделают совершенно естественной случайностью. Как и в исчезновении отряда Камирена дознаватели при желании не найдут признаков чьего-то злого умысла. Проще будет дать дослужить обоим оставшийся срок и уволить в запас с настоятельным пожеланием убраться куда-нибудь подальше. Тем более что после дополнительного «общения» с Меченым и Кимер, и Ангир убеждены в «официальной» версии событий больше, чем бумага, на которой она записана. Это, к слову, очень хорошо, что колдовать пришлось не мне. Конечно, остается еще то, что они покинули Меленгур в компании графа Урмарена... Может, им побег организовать?

С этой мыслью я едва не пропускаю дверь графского купе. Ладер, задвинув ее за мной, остается в коридоре.

Значит, разговор ко мне есть у его светлости.

– Садитесь, Таннер.

Молча плюхаюсь на указанное мне место.

– Вы ничего не хотите мне рассказать?

– О чем именно, ваша светлость?

– У вас так много секретов?

– Нет, но больше, чем один.

– Хорошо. – Некое подобие улыбки трогает его сжатые

губы, хотя в глазах я вижу тусклое свечение льда. – Расскажите мне... нет, не о том, как вы выслеживали одного предателя, а умер другой, первый же и вовсе исчез. И даже не о том, какое отношение ко всему этому имеют телохранители маркизы Деменир. Сразу скажу – их мы пока трогать не будем, ясно? Хотя вопросов к ним уже накопилось изрядно. Не только у вас. Но это, как я уже сказал, терпит. Кстати, вы не в курсе, что сержант Пелер оставил нам прощальный подарок? Хорошо, что посланные обыскивать его комнату люди сделали поправку на его бегство и не стали открывать дверь с ноги. А нашли сначала ключи, потом привязали к дверной ручке длинную веревку...

– И что случилось?

– О, почти ничего... То, что было внутри, превратилось в пепел. А изрядный кусок коридора на несколько мгновений стал печью для обжига кирпича. Хвала небесам, никто не погиб.

М-да, хорошо, что мы с Ладером туда не сунулись – даже про знак на двери слышали от тех, кого туда посылали. А вот о результатах, так сказать, вскрытия, я услышал только сейчас.

– Но, как я уже сказал, меня интересует кое-что другое... Как вы остановили действие заклятия, заключенного в лигарпе? Ладер не придавал этому значения. Он много знает о магии, у него есть... скажем так, определенные способности. Но ему неизвестно, что заклинаний такого рода, доступных

людям без способностей к магии, не существует. Более того – даже моему личному магу это вряд ли под силу, хотя Мерген вовсе не заурядный деревенский врачеватель... Как вы это сделали, Таннер?

Хороший вопрос. Знать бы еще ответ, который устроит спросившего, но не будет стоять мне головы. А что вообще знает обо мне его светлость, помимо того, что я сам ему рассказал? Откровенных проявлений моих способностей к магии до мертвого города вроде бы не было. Кроме чутья на неприятности, пожалуй. Списать на это? Нет, опасно. Мало ли кто – с точки зрения того же графа – мог там в меня вселиваться. Но чем тогда это объяснять? Меченый – настоящий маг, причем гораздо сильнее среднего уровня, я это знаю не с чужих слов. И так не может. А я почему-то могу. Почему?

Стоп. Есть лазейка. Ладер, в общем-то, верно понял, что я обуздал силу заклятия. Да и слова мои трудно было понять иначе. Но точно он этого не знает – слишком мало времени досталось предателю. Скорее всего, Меченый все-таки способен удержать заклятие лигарпы, хотя бы на какое-то время, если уж не рассеять его совсем – только ценой немалых усилий, отчего и сделан вывод о недоступности этого слабому или необученному магу, каковым я, наверное, уже выгляжу. Хотя это странно... Меченый явно специализируется на некромантии, почему для него такое должно быть трудным делом?

Так, потом, потом. Нельзя заставлять графа ждать. Хотя и

мгновенный ответ мог бы его насторожить, потому что выглядел бы заготовленным...

– Дело в том, ваша светлость, что я его не остановил.

– Что? Но...

– Я его только придержал. И мог бы удержать еще несколько минут, если бы верил, что сержант Хикрен знает достаточно для того, чтобы получить... эти несколько минут. Я действительно спросил Ладера – стоит ли нам пытаться сохранить жизнь сержанту. Например, для того, чтобы он мог продержаться до появления настоящего мага, способного разрушить заклятие. Но я вовсе не мог сделать это сам.

– Вот как... Понятно. И вы не стали его спасать, понадевшись, что успеете поймать этого... Пелера?

Я киваю в знак согласия.

– И все же, Таннер... У вас есть какое-то объяснение вашим магическим способностям? Согласитесь, даже то небольшое, что нам известно, нельзя объяснить тем, что вас кто-то где-то научил каким-то простейшим заклинаниям...

Тут Урмарен, конечно, прав. Нельзя.

– Ваши таланты к врачеванию или боевые навыки еще можно списать на врожденные способности и толковых наставников... в прошлой жизни. Люди, которым дано предчувствовать смертельную опасность, тоже встречаются. Причем довольно часто. Но, простите, быстрое и полное исцеление при тяжелых ранах или и вовсе воскрешение из мертвых... Ладно, допустим, те парни приняли вас за покойника,

потому и закопали. Но вы же еще и выбрались из могилы!

– Начнем с того, что они действительно ошиблись. Учтите, что меня ударила не пуля, не меч и не кулак, а сильное заклятие – хорошо еще, что человеческий облик не утратил. А парни закопали меня не так глубоко, как обычно это делается. Из могилы глубиной в полный человеческий рост и я бы не вылез. При всех моих талантах.

Тут я немного лукавил, но зачем об этом знать графу?

– Ладно, Таннер. Верю. Хотя мне казалось, что вы не маг.

– А я и не маг, ваша светлость. Хотя я могу чувствовать присутствие магии – поэтому мы не подменили записку, – а сильную магию даже видеть, если это можно так назвать. Владею кое-какими простыми заклинаниями. К слову, если бы мне не объяснили, с чем я имею дело, я бы не удержал это и минуты.

– Но если вы имели дело с лигарпой впервые, как вам это удалось?

– Четко поставленная задача – половина успеха. Что требовалось от меня? Не дать этой гадости убить его сразу и внушить ему надежду, что он спасется. Если, конечно, кое-чем пожертвует.

– Ясно... Кстати, Таннер... Вы думали над моим предложением?

А ведь внятной альтернативы переходу под крыло Урма-рена у меня больше нет. Деньги мои в Мелате, и добраться до сейфа в тамошнем банке я смогу не скоро. И не факт, что

ключ до того не потеряю. Документы у меня – за исключением подписанной и припечатанной бароном бумажки, которая на полноценный паспорт не тянет, – исключительно фальшивые. Включая и те, о существовании которых, хочется надеяться, никто не знает. В смысле, которые я припрятал еще до мертвого города. Барон же вряд ли задержится в столице надолго. Едва станет ясно, что граф справится без него – помчится к невесте. Или сразу к отцу. Я, конечно, рад буду снова увидеть Барена и его семейство и даже познакомиться со старым бароном, а может, и снова выпить с Геритом, если случится нашим дорогам снова совпасть... Но что-то пока не тянет меня на север. А то, что гнало меня на юг, вряд ли отстало слишком далеко. Тем более что барон уже в Каменной Розе готов был отпустить меня на все четыре стороны.

– Да, ваша светлость. Думал.

– И что же?

Понятно. Граф намерен воспользоваться вскрывшимися обстоятельствами, чтобы ускорить мой переход в его команду. Хотя, по сути, я и так в ней. Просто исчезнет промежуточная ступень, не позволявшая ему требовать от меня безоговорочного подчинения. Впрочем, ему это и сейчас не требуется, и не потребует потом. Однако следует соблюдать правила игры.

– Давайте пока не будем ничего менять, ваша светлость. Сейчас это не самое важное и уж точно не самое срочное.

– Хорошо. Согласен, – неожиданно добродушно улыбает-

ся граф, почувствовав, что добился своего, пусть и с отсрочкой. – Но обещайте мне, Таннер, что после прибытия в Терону вы не исчезнете, не дав ответа.

Как же, скроешься от вас.

– Ладно, к этому мы еще вернемся. Что будем делать с вашими... подопечными? Толку от них в общем-то никакого. Конечно, в случае нападения в пути пара лишних бойцов нам не повредит, но... если бы они остались лежать в этой глуши вместе с остальными, это сильно упростило бы ситуацию. А так... Вот как вы, Таннер, представляете себе их, так сказать, возвращение к месту службы?

Ситуация и в самом деле оставалась запутанной. Не ведая того, Кимер и Ангир, принадлежавшие формально к конкурирующим службам, но вроде бы служившие одной стороне в непонятной пока подковой игре и наверняка сражавшиеся бы плечом к плечу в какой-нибудь очередной «обычной» войне, фактически были врагами – и друг другу, и нам. И лишь случайное стечение обстоятельств не позволило нам сыграть в «останется только один». Ведь вполне могло повезти не нам, и это я умер бы в мертвом городе, а Кимер благополучно добрался бы до станции со своим капитаном и получил бы пулю из винтовки Ангира, а того пристрелил бы Ладер – если бы, конечно, сам не погиб в стычке с людьми Ранкена... Но вышло так, что живы мы все, и что с этим делать, я не знаю.

В первую очередь, нужно решить, что делать с моим «зем-

ляком» – Ангиру до окончания срока службы осталось не больше недели, если я ничего не путаю. А значит, по времени он уже должен был вернуться в Ханаран. Или хотя бы выйти на связь. Точнее, не он, а капитан Камирен, но ему это уже вряд ли удастся.

У Кимера ситуация немного проще. Из мертвого города он все-таки выбрался не один. То, что из приданных Мархену меленгурцев домой живым добрался только Нокис, конечно, не очень хорошо, но все же лучше, чем ничего.

В рапорте Нокиса, уже сданном в архив меленгурского управления Серой стражи, все выглядит предельно просто, ясно и логично. Правда, среди персонажей этой пьесы задействован некий лейтенант Сиден, что способно кое-кому вскипятить мозги, но он в данной ситуации лишь дополнительный свидетель того, что Кимер не лжет, рассказывая о кошмарной ночи в мертвом городе. Лейтенант Астирен и стрелок Хатир, выжившие там, спустя несколько дней стали жертвами нападения «неизвестных бандитов» на станции, при отражении которого сержант Кимер был ранен. Медаль или хотя бы отпуск сержанту за это, скорее всего, не дадут, но любой лекарь, имевший дело с огнестрельными ранами, подтвердит, что это не самострел. Упоминания о том, что один из нападавших сначала предъявил удостоверение на имя все того же Сидена, в рапортах Нокиса и Кимера, естественно, нет и не будет. Степень запутанности должна сохранять разумные пределы. Кроме того, «лейтенанта Сидена»

видело в Меленгуре куда больше народу, чем сержантов, и скрыть это вряд ли получилось бы.

Сейчас же Кимер едет под видом одного из графских бойцов – о чем, правда, не подозревает. Как и Ангир, которого тоже как бы нет в поезде. По бумагам, которые оформила канцелярия Логирена, сержанты покинут Меленгур лишь завтра. Все-таки будет лучше, если те, чьи приказы забросили их сюда, сочтут одновременное их и графа пребывание в городе досадной случайностью. Совпадением. А вовсе не видимой частью того, что они прибыли в город в свите графа и в ней же убыли. По прибытии в Терону (или даже раньше, если будет в том необходимость) Кимер получит на руки свои документы со всеми необходимыми записями и отметками, и отправится в полк. И по прошествии положенного срока уволится со службы – если, конечно, ничего не случится и он не передумает.

А вот с Ангиром сложнее. С трудом верится, что его начальство, и прежде имевшее на него зуб, не станет делать из него крайнего. Даже если там некому расстраиваться по поводу гибели капитана Камирена. Что в его пользу? То, что почти все люди Камирена – кроме тех, кто отправился на хутор – похоронены в братской могиле, и Ангир может показать место захоронения. Свою винтовку он сохранил. То же в зачет. Оружие остальных забрали те, кто их убил. Почему так долго добирался? Не рискнул в одиночку садиться в поезд с винтовкой – это же не револьвер, который можно

спрятать. Могли и отобрать или украсть. Он же не дворянин, бесплатный проезд хоть и положен, но без офицера только в общих вагонах. Да и подлечиться надо было. Где винтовка? Так сдал ведь в Меленгуре, и в бумагах об этом написано, и печать есть. Как-то так, в общем.

Излагаю графу эти свои мысли. Он понимающе кивает – логично, мол. А у меня перед глазами вдруг снова возникает то, как он только что говорил: «... если бы они остались лежать в этой глуши вместе с остальными, это сильно упростило бы ситуацию...»

То есть мертвые обычно хранят тайны лучше живых. И зачем тогда было сочинять все эти легенды и переводить горы бумаги? Просто ради практики?

И в затылке снова что-то начинает тихо звенеть. Страж проснулся. Не к добру это. Но граф если и намерен от кого-то избавиться, то не от меня. Значит, дело в чем-то еще. Что может случиться с людьми, едущими в поезде? Смотрю в окно. А насыпь явно понемногу приподнимается над окружающей местностью. Крушение?

– Знаете, ваша светлость... У меня какое-то нехорошее предчувствие.

– Что-то определенное? – Граф сразу перестает улыбаться и подбирается, словно хищник, почуявший опасность.

– Нет, но...

– Я вам верю, – обрывает он меня и открывает дверь в коридор. – Ладер! Поднимай всех. Кто спит – буди. Таннер,

предупредите барона и маркизу.

Спустя минуту вагон похож на разворошенный улей. Пассажиры, которым не повезло оказаться нашими попутчиками – в этот раз граф не стал возиться с их «пересаживанием», – испуганно выглядывают из своих купе, ничего не понимая. Подсказываю то к одному, то к другому:

– Одевайтесь! Будьте готовы покинуть поезд.

– Нас грабят?

– Возможно крушение!

Они пытаются что-то спросить, но я уже мчусь дальше. Не выберетесь – я не виноват. Я даже это не должен делать.

Барону и маркизе не приходится ничего объяснять, как и Киртану с Хонкиром, и Ольте. К Тилену с Ксивеном я не стучусь. И не хочу, и без меня найдется кому. Вместо этого возвращаюсь к своим подопечным.

– Так, бойцы, у меня для вас две новости, и обе плохие.

– Это какие же?

– Первая – возможно, нам предстоит крушение поезда.

– А вторая? – не выдерживает Ангир.

Я в очень краткой, но доступной форме излагаю им отношение графа Урмарена к факту их присутствия в числе живых.

– И что нам делать? – Кимер первым выходит из ступора.

– Если поезд все-таки доедет до станции, сразу после отправления – пока скорость будет невелика – спрыгнете. Только не бегите сразу в сторону, вас не должны увидеть

из вагонов. Дождитесь, когда состав уйдет подальше. Потом спрячьтесь где-нибудь поблизости, но так, чтобы местные на вас внимания не обратили, и ждите следующего. Лучше всего втихаря подсесть в какой-нибудь грузовой вагон. Ни в коем случае не пытайтесь взять билеты на этой же станции.

– А если все-таки произойдет крушение? – мрачно интересуется лариниец.

– Если произойдет крушение... Постарайтесь уцелеть и сделать ноги под шумок. Вот ваши документы, вот деньги – немного, но на первое время должно хватить. И мой вам совет – сразу двигайте в свои гарнизоны. Вряд ли вас кто-то будет искать в ближайшие дни, но кто знает, что будет потом. Там вас, конечно, не цветами встретят, но здесь вы точно исчезнете бесследно, если задержитесь даже на пару дней.

И я закрепляю сказанное в их памяти, добавив кое-чего еще. Теперь им даже под пытками не удастся проболтаться, а уж случайно – тем более. А еще после того, как они в течение двенадцати часов подряд не увидят мою физиономию, у них возникнет стойкая уверенность в том, что весь этот план они придумали сами и удрали от графа совершенно самостоятельно. О чем тоже будут молчать – ведь по легенде они графа всего лишь видели в Меленгуре, причем издалека, и, собственно, покинут город лишь завтра. Если все пройдет удачно, через несколько недель уже отставной надсержант Ангир объявится на небезызвестном хуторе и будет ждать там моего сигнала. Примерно то же самое проделает и

Кимер, только весной и после того, как проведает родителей. Но он не поедет никуда, а просто отправит письмо. По адресу, которого он пока не помнит. Последний штрих – блок в собственной памяти. А то плотность магов на душу населения с приближением к столице явно может увеличиться.

Шум за дверью стих – похоже, все, даже ничего не понимающие попутчики приготовились к возможной аварии и просто ждут.

Через четверть часа ожидание становится невыносимым. О, кажется, поезд замедляет ход. Видимо, кто-то дал знать поездной бригаде, а они отнеслись к моему предчувствию серьезно. Хотя если вдруг прямо перед паровозом даже на такой скорости лопнет рельс, то наш вагон все-таки улетит под откос.

Похоже, мы все-таки доедем до следующей станции, понимаю я спустя еще полчаса, видя, что состав по-прежнему движется вперед. Только позже. Потому что скорость еще больше уменьшилась. Еще немного – и мы проиграем в темпе отдохнувшей пехоте на марше.

Тогда почему в голове по-прежнему слышится тревожное позвякивание?

– Вы знаете, что делать, если что-то случится прежде, чем я вернусь, – тоном, не терпящим возражений, говорю я и выхожу в коридор, задвигая за собой дверь.

Вижу графских бойцов – по одному в каждом конце, и Ладера – у двери графского купе. Увидев меня, он подходит

ближе.

– Ты что-то учуял? – Вид у него встревоженный.

– Да. Только что – пока не понимаю.

– Граф сказал – возможно крушение.

– На самом деле, много чего еще возможно. Но крушение – пожалуй, единственное, что может сойти за трагическое стечение обстоятельств. Уверен, что наш враг заинтересован в том, чтобы это выглядело именно как случайность.

– А пожар?

– Да, наверное. Слушай, а... какая-нибудь... колдовская гадость может приключиться?

– Вряд ли, – качает он головой, – слышал, в вагонах что-то сильно ослабляет действие магии.

Надо же... А как же мой внутренний страж? Почему ему эта противомagia побоку?

Ладер смотрит на часы и, извинившись, скрывается за дверью купе, что рядом с графским. Через минуту в коридор выходит Хартен, кивает мне в знак приветствия, но начать разговор не пытается. Просто смотрит в окно, периодически поглядывая по сторонам. Солнце тем временем все ближе сползает к горизонту. Долину мы, похоже, благополучно проехали – прилегающая к насыпи местность понемногу пошла вверх. Впрочем, для того чтобы превратить в дрова половину поезда – включая и наш вагон – высоты насыпи и скорости вполне может хватить. Тем более что машинист явно прибавил ходу. Его тоже можно понять – случиться-то

ничего так и не случилось, а из графика он уже выбился. При том что следующую станцию поезд должен пройти до темноты, чтобы успеть разминуться со встречным составом – колея-то одна, и что-то я пока не видел двухпутных участков. Возможно, на этом перегоне их и вовсе нет.

Ан нет, есть – над округой разносится знакомый резкий звук. Впереди сработала стрелка. Поезд притормаживает, затем снова разгоняется. Слышится гудок... и почти сразу ему отвечает другой, приглушенный – с той стороны, куда ушла вторая колея. Машинист молодец. Сумел-таки выбрать золотую середину между страхом крушения и необходимостью не выбиться из графика слишком сильно.

Но страж почему-то не перестает нервно шевелиться где-то в голове. Да, расслабляться рано. Учитывая то, что таких участков должно быть, по идее, хотя бы один-два на перегон, ехать нам еще долго. Окончательно стемнеет часа через три. А может, хоть до станции доберемся без приключений? Все-таки хочется, чтобы Кимер с Ангиром ушли тихо, без лишних подозрений и обвинений на свои головы... И вдруг звон пропадает. Опасность отступила?

Выждав еще четверть часа – за это время поезд прошел вторую стрелку – и так и не дождавшись возвращения тревожного сигнала, стучусь к Ладеру и сообщаю, что можно расслабиться. Он молча кивает и поднимается, мы вместе обходим купе – он «наши», я – прочих попутчиков, радуя их словами, что опасный участок пути остался позади. Лучше

сказать, не то потом сигнал тревоги не воспримут всерьез, а мне не хотелось бы отвечать за их жизни.

Сержантам просто сообщаю, что угроза миновала, и команду «отбой». Чем нервничать, пусть спят лучше. Ночь они наверняка проведут не в поезде.

Через два часа солнце начинает задевать верхушки деревьев. Кимер с Ангиром все еще добросовестно дрыхнут. Выглядываю в коридор – все по-прежнему, только часовые в концах вагона другие, и возле графского купе теперь маячит Дикер.

Постоянная охрана это, конечно, хорошо, но наше дело плохо. Через окно можно и не выбраться – очень уж неширокую щель открывает, поднимаясь, верхняя часть рамы. А нижняя – не опускается. Ладно, придумаем что-нибудь.

Часть 2

Чужие тени от своей не отличить

*Во тьме бывает легче увидеть свет.
Нет, не костра или лампы, а тот, что в душе.
Если, конечно, в душе тьме места нет,
Если, конечно, в тебе не видят мишень...*

Поезд понемногу начинает замедляться. Что, уже станция?

Точно, впереди виднеются огни, пока еще плохо различимые в едва начавшихся сумерках. Тракт, давно спрятавшийся в лесу, снова выбрался из укрытия и лениво ползет вдоль насыпи. Он пуст – похоже, все, кто хотел успеть на станцию к поезду, уже проехали, а у прочих нет и этой причины болтаться здесь в преддверии ночи.

Выглядываю в коридор. Место Дикера опять занял Хартен. Я вспоминаю, что граф вроде намеревался отправить телеграммы, с которыми у него не вышло в Меленгуре. Значит, Ладера прихватит с собой, и тот пока отдыхает. Очень хочется надеяться, что у моих подопечных будет шанс добраться до тамбура незамеченными, пока часовые больше будут высматривать хозяина.

Осторожно бужу Кимера, потом Ангира.

– Помните, как действовать?

Синхронный кивок в ответ.

– Значит, так. Когда будет можно, я дам сигнал. Сам пойду к кому-нибудь, чтобы потом можно было сказать, что вы слиняли в мое отсутствие.

Это им тоже понятно.

– Господин лейтенант, вы точно остаетесь? – решается все же уточнить Ангир. – А может, с нами? Этот ваш главный... граф... не похож на человека, который легко прощает.

– Нет, – отрицательно качая головой. – В отличие от вас, я ему нужен. И он мне тоже. Ладно, – кладу руку на стол, прекращая этим ненужный разговор, – будьте готовы, но пока не дергайтесь. Жаль, с оружием помочь не могу.

– Ничего, – говорит Кимер, – справимся. Не война все-таки.

Наконец поезд вползает на станцию. Фонари уже зажжены по всей ее территории. Окно купе выходит на поблескивающие в свете фонарей рельсы и какие-то бараки. Склады, наверное. До них навскидку шагов двести. Никого не видно. Вокзал, значит, с другой стороны. Выхожу в коридор, отмечая краем глаза сменившихся за это время часовых. А вот Хартен по-прежнему здесь. Киваем друг другу и синхронно поворачиваемся к окнам. У длинного одноэтажного здания, вмещающего, видимо, и станционную контору, и кассы, и зал ожидания, и наверняка что-то еще, видны люди, ожидающие поезд. Не много – человек двадцать, из которых примерно четверо-пятеро в форменных куртках и фуражках. До них

шагов сто или около того. На здании вывеска – «Бергани». Значение слова мне неизвестно, наверное, производное от какого-нибудь имени.

Вроде бы все вполне обычно. Чего ж страж снова зашевелился? Знакомого тревожного звона я пока не ощущаю, но как-то беспокойно. Засада?

Почти одновременно открываются двери сразу нескольких купе.

– А, Таннер, как настроение? – Барон Фогерен явно рад меня видеть. В ответ успеваю лишь улыбнуться, потому как между нами возникает граф Урмарен.

– Венкрид? Давай твою телеграмму.

– Но...

– Как я догадался? – ухмыляется граф, – Да у тебя просто на лице написано, о чем ты думаешь. Так что давай сюда свое послание, а тебе лучше остаться в поезде и быть наготове. Верно я говорю, Таннер? Как, ждут нас тут неприятности?

– Честно говоря, что-то мне тревожно, – признаюсь я.

– Ясно, – мрачнеет граф. – Так, Ладер, ты и твои парни со мной. С оружием. Мерген – ты тоже.

Бойцы занимают позиции у тамбуров на земле по обе стороны нашего вагона, Киртан, явно получивший инструкции заранее, с парой стрелков отправляется к паровозу. Хонкир, видимо, сидит сейчас в графском купе, сам же Фогерен с плохо скрываемой тревогой на лице провожает взглядом графа, направившегося к зданию вокзала.

Все-таки хорошо, что Урмарен озаботился пополнением своего эскорта – после стычки с отрядом Ранкена у него осталось всего четверо «чистых» бойцов (не считая лекаря, мага и Ладера с его двумя помощниками... хотя всех пятерых, даже лекаря, списывать со счетов в драке не стоит), и майор Логирен выделил ему полтора десятка надежных стрелков и толкового, судя по всему, сержанта. Правда, никто из них мне в Меленгуре на глаза не попадался, но не это сейчас имеет значение. В конце концов, они доедут с нами до столицы и вернутся обратно, и, скорее всего, никого из них я больше не увижу.

Но это ладно. Дело житейское. А вот для задуманного мной ситуация становится совершенно неподходящей. В окно не вылезешь, в тамбурах часовые, незаметно не то что не выйдешь – в другой вагон не перейдешь. Почему мне так хочется поскорее покинуть это место?

– А дальше по маршруту у нас что?

Барон пожимает плечами.

– До границы провинции³ еще две станции. Город Талор, тоже центр сегета, только, по-моему, вдвое больше Мелен-

³ *Провинция* – административно-территориальная единица верхнего уровня в Аларийской империи; в основном – в границах бывшего королевства, герцогства, княжества, маркизата (некоторые из них были разделены на две-три провинции); делится на сегеты (от 12 до 25), может также делиться на сегераты (как вся территория провинции, так и часть сегетов может сохранять прямое подчинение администрации провинции); по состоянию на 1114 год в империи насчитывалось 33 провинции.

гура.

– Что ж так?

– Места более благоприятные. И центр провинции не так далеко, и земли получше, и зимы не такие холодные, да и к столице империи поближе.

– Понятно. А потом?

– Потом еще одна станция, кажется, Красный Утес. А дальше уже Ханаран.

Вот же ж... Мне эта провинция уже не нравилась заочно. Наверное, как Краверу Ларинья. Хотя кто его знает, чего ему Ларинья не нравится...

– Только сначала придется преодолеть Уларскую червоточину. – Заметив мой недоуменный взгляд, барон поясняет: – Туннель под Драконьим хребтом. Один из самых длинных в империи. Его длина целых семь тиг⁴. Поэтому у обоих входов сделаны двухколейные участки и установлена особая сигнальная система, предупреждающая машиниста о том, что в туннеле уже есть поезд. Но при всех издержках это самая короткая дорога из Улары в Ханаран.

– А можно понять по сигналам, навстречу идет поезд в туннеле или уходит прочь? Ну, то есть отдельные для этого сигналы предусмотрены или только один?

– Кажется, разные, – отвечает Фогерен, но как-то неуверенно.

У меня вот тоже убавилось уверенности в том, что Кимер

⁴ *Тига* – единица измерения расстояний, принятая в Аларии, примерно 2 км.

и Ангир должны «отстать от поезда» именно на этой станции. Ведь им обоим придется как-то перевалить через горы, до которых еще ого-го сколько. Как быть?

Так, ладно. Какая у нас диспозиция? Половину приданных людей расставили вокруг вагона – по двое у каждого тамбура с каждой стороны, один стоит у тамбура на земле, второй – в тамбуре от открытой двери. Это восемь, из которых двое графских ветеранов, остальные из прикомандированных. Киртан и еще двое – один меленгурец и один боец графа – ушли к паровозу. Хонкир с бароном, Ксивен и Тилен должны быть рядом с маркизой. Кравер тоже здесь, Меченый ушел с графом, как и Ладер со своими красавцами, с ними кто-то из графских ветеранов и шестеро меленгурцев плюс их сержант.

Так, где-то еще двое меленгурцев... А, нет, вон они, прохаживаются перед вагоном. Кучка людей, стоявших перед станционным зданием, начала двигаться к поезду. Основная масса сразу смещается к хвостовым вагонам, но несколько человек – какое-то почтенное семейство и трое мужчин, одетых на торговый манер, – все же направляются в нашу сторону, навстречу графу и его свите. Вот-вот выйдут на дистанцию револьверного выстрела в упор.

– Барон, – тихо говорю я, – у нас найдется пара револьверов для моих подопечных?

– Найдется, – так же тихо отвечает он, – думаешь, можно им доверять?

– Благодаря мне они живы. И очень хорошо это понимают.

– Давай так, – после некоторого раздумья говорит Фогерен, – я дам оружие тебе. Тебе лично. А ты отдашь им, если... возникнет такая необходимость. Но не раньше.

– Согласен.

Барон скрывается в своем купе, я возвращаюсь к сержантам.

– Ну что, господин лейтенант? Уже? – едва не подсакивают оба.

– Нет. Не уже. И, похоже, высадка переносится. Выбраться из поезда незамеченными не удастся. А если сейчас начнется какая-нибудь заваруха, то лучше вам оставаться рядом со мной.

– Ясно, – дружно отвечают. Это хорошо, что дружно.

Поворачиваюсь к Ангиру:

– Твое мнение – лучше сейчас вам сойти или хотя бы через хребет перевалить, прежде чем это сделать?

– По-хорошему, лучше уж в Ханаране, – не задумываясь, отвечает лариниец. – Мне там проще добираться будет, да и Кимеру, по большому счету, тоже...

Сержант тоже кивает в знак согласия.

– Ладно. Ждите сигнала. Без меня никуда ни шагу.

Барон по-прежнему смотрит вслед графу, в окружении своей маленькой армии движущемуся к станционному зданию. До идущих им навстречу будущих попутчиков остается от силы три десятка шагов. Продолжая смотреть вперед,

барон с отсутствующим видом протягивает мне невзрачный, но увесистый сверток. Внутри – два револьвера и по коробке с патронами на каждый.

Тем временем наши и чужаки благополучно расходятся, а через пару минут в вагоне появляется кондуктор, сопровождающий тех трех типов торгового вида и почтенное семейство, включающее добродушного мужчину слегка за пятьдесят, невысокого, лысого, с заметным брюшком, его дородную супругу, а также мальчика лет двенадцати и девочку чуть постарше. Заметив нас, дама недовольно поджала губы. Насколько я помнил, в нашем вагоне свободными оставались два купе из двенадцати – и то потому, что прикомандированные меленгурцы большей частью разместились в соседнем вагоне. Кондуктор провел почтенное семейство в то, что было дальше от тамбура и, соответственно, ближе к нам. Тем троим досталось купе у самого выхода, но никаких эмоций это у них не вызвало. Судя по количеству багажа, и семейство, и торговая троица ехали недалеко – скорее всего, лишь до Талора. Кондуктор, пойманный в тамбуре немного позднее, подтвердил мои предположения, добавив, что в Талор мы прибудем рано утром. Только барон ошибся – до Талора будут еще две станции, но небольшие, и так долго там стоять не будем.

От него же узнаю, что нет никакого противоречия в том, что Хонкир еще в Мелате сказал мне, что поезда до столицы ходят раз в неделю. Речь, оказывается, шла о скорых,

которые останавливаются только на крупных станциях. На них кататься дорого, зато быстро, удобно и без пересадок. А есть еще местные поезда, которые ходят почти каждый день и останавливаются чуть ли не у каждого столба. Например, этот, идущий из Нороса до Тигуры – города на южной окраине Ханарана. Ветку до Ханора – главного города этой провинции – строят давно, но и закончат, надо думать, не в этом году. Он рассказывает еще много чего интересного, но для меня пока имеет значение только то, что в Тигуре нас снова ждет пересадка. И насчет каждого столба это он явно загнул.

Граф возвращается лишь через час, когда станционные рабочие уже заканчивают возню у паровоза и грузовых вагонов в конце состава. Мрачный и задумчивый.

Интересно, что его так расстроило? Телеграф ведь работает, все телеграммы отправлены. Или на что-то он уже и ответ получил? Скорее всего, иначе незачем было так задерживаться.

Урмарен проходит мимо барона, похлопывает его по плечу, пробормотав что-то успокаивающее – видимо, с его посланием никаких проблем не возникло, разве что доставят его в поместье только завтра – и скрывается в своем купе.

Однако мы стоим еще час, дожидаясь, пока пройдет какой-то особый эшелон, идущий нам навстречу вне расписания. А я снова ощущаю тихий, на пределе слышимости, звон. Новые попутчики, что ли? Или какая-то иная угроза? Но сигнал стихает, а вопрос остается без ответа.

В тусклом свете фонарей особый эшелон способен сойти за обычный грузовой состав. Только тащит его почему-то связка из двух паровозов, и для сопровождающих и охраны прицеплен не один пассажирский вагон, а сразу три – по одному в голове, середине и хвосте. Никаких огней, кроме мощного фонаря, освещающего путь, на головном паровозе, и тусклого огонька на последнем вагоне.

Мы покидаем Бергани в полной темноте.

Ближе к полуночи поезд останавливается. Фонари перед зданием станционной конторы не горят, и название не прочитать. Забавно, остальная территория станции ярко освещена, в том числе и прилегающая к зданию, а тут – прямо черная дыра какая-то. Впрочем, может, сломалось что, а починить не успели.

Как ни странно, дело не ограничивается выгрузкой и приемом почты. Я вижу, как к хвостовым вагонам направляются несколько темных силуэтов – им навстречу тоже кто-то движется. Любопытно. Неужели нельзя было приехать другим поездом? Им ведь придется ночевать на станции – вряд ли здесь бояться ночных дорог намного меньше, чем на севере. Или все – ну, почти все – поезда проходят здесь лишь ночью?

Прислушиваюсь. Нет, звона не слышно. Страж дремлет. Опасность явно не имеет отношения к этой мало кому известной точке на карте.

Четверть часа – и поезд, лязгнув, снова начинает разгоняться. Когда там следующая остановка? Перед рассветом?

Спрятав сверток с револьверами – хороший плюс к двум моим стволам – под подушку, без особых раздумий бужу Кимера. Не то чтобы к ахтурцу у меня больше доверия, скорее наоборот, но все же как-то мне с ним легче общий язык находить. И знакомы дольше, и совместные приключения за плечами имеются. А вот что будет лариниец делать, когда прознает, что мы с ним вроде как земляки, то пока и демонам неведомо.

– Значит, так, сержант. Я пока посплю, ибо тоже не железный. Под утро будет станция. Когда остановимся – разбудишь. Понятно?

– Понятно, господин лейтенант... А может, пусть лучше меня Ангир сменит? Мы ведь решили, что сначала через хребет перевалим, так? А уж потом... Вид у вас и правда усталый, вам пары часов сна не хватит.

– Поверь мне на слово. Так будет лучше.

Кимер понимающе кивает и умолкает. Я устраиваюсь поудобнее и проваливаюсь в сон. Действительно, день выдался очень уж длинный.

Просыпаюсь от того, что кто-то трясет меня за плечо. А, это же Кимер. Слышен приглушенный лязг, вагон заметно покачивается и дергается.

– Господин лейтенант, вы просили разбудить...

– Верно. Ангира разбуди пока, а я осмотрюсь.

Небо над лесом, вплотную подступающим к путям с этой

стороны, заметно посветлело. Вот-вот солнце покажется. Выглядываю в коридор. Уже привычная картина – двое часовых в концах коридора, на этот раз оба из меленгурцев. Возле графского купе – Линсен, один из графских бойцов. Пейзаж за окном постепенно замедляется, с каждым мгновением становится светлее – но не от солнца, оно еще не появилось, а от фонарей, расставленных по всей территории станции. «Лисьи Уши», – читаю на здании вокзала. Нет, не слышал. Такое я запомнил бы.

В вагоне тихо. Похоже, граф не стал просить никого из своих таинственных адресатов слать ему сюда зашифрованные телеграммы, решив просто выспаться. До Талора еще несколько часов пути, а в Тигуру, пройдя под Драконьим хребтом, поезд прибудет на закате. Если не выбьется из расписания.

От здания вокзала к еще не остановившемуся поезду толпает какой-то тип с тощим мешком на плече. Судя по курсу, прямо к прицепленному сразу за паровозом почтовому вагону. Не дожидаясь, когда он пропадет из виду, возвращаюсь в купе. Какое мне дело до того, что здесь тоже пишут и получают письма?

На меня уставились две пары глаз. Напряжение просто висит в воздухе.

– Все в порядке, господин лейтенант? – подает голос Ангир.

Ответить ему утвердительно я не успеваю – страж внезап-

но приходит в движение, заполняя все доступное ему воображаемое пространство тревожным звоном.

– Н-нет, не в порядке, – отвечаю ему почти шепотом, одновременно извлекая из-под подушки сверток и разворачивая его, и протягивая обоим револьверы и патроны. – Заряжайте. Быстро, но тихо.

Они справляются быстро и ловко, и я гашу свет. Осторожно сдвигаю дверь в сторону... и слышу какой-то непонятный звук. И тут же чей-то приглушенный стон, и без паузы – дважды повторенный странный звук, почему-то кажущийся очень знакомым.

Раздумывать некогда.

– Кимер, держи на прицеле дверной проем. Ангир – стену справа от двери. Стрелять только в ответ, первым – ни в коем случае.

Сам опускаюсь на пол и отодвигаю дверь дальше. Замираю. Сержантам, наверное, кажется, что я прислушиваюсь, но на деле я всматриваюсь. Вторым зрением.

Часовой-меленгурец, стоявший возле купе «торговцев», исчез. Второй, в дальнем конце, сполз на пол, нелепо раскинув руки. Но он жив, просто отключился. Линсен растянулся на полу у двери графского купе. Мертв. Причем, похоже, умер сразу.

А над всем этим возвышаются, как сущие ангелы смерти, детишки из почтенного семейства, с оттягивающими маленькие руки длинноствольными револьверами, увенчанны-

ми толстыми темными набалдашниками. Глушители, внезапно подсказывает память. Так вот что это были за странные звуки... Выстрелы. Мальчик замер перед дверью какого-то купе. Кажется, это дверь, за которой спит Меченый. Девочка, постояв у двери графского купе, склоняется над раненым меленгурцем. Их «папаша» подхватывает Линсена и очень тихо тащит к своему купе. А «мамаша» стоит у тамбура с таким же револьвером, вглядываясь во что-то, моему зрению недоступное. В коридоре один за другим возникают «торговцы», и я едва успеваю отпрянуть, почуяв, уж не знаю как, в одном из них способного «видеть».

Кладу на пол подушки – так, чтобы не удариться в падении о порог.

– Ангир, как только я отстреляюсь... втаскиваешь меня обратно. Теперь Кимер. Пока он меня тащит, не высовываясь, простоставляешь револьверы и палишь в обе стороны по коридору. Наших там нет. По крайней мере, живых.

Прости меня, солдат, если пуля сержанта достанется тебе.

– Ангир, дверь! Давай!

Дверь рывком уходит вбок, я вываливаюсь в коридор, падая на спину, и раскидываю руки в стороны.

На моих револьверах глушителей нет. Выстрелы сливаются в грохочущий перестук.

Мальчик переламывается сразу, едва успев повернуться в мою сторону.

«Папаша», бросив тело Линсена, пытается уйти от пули,

но в узком коридоре, в котором двое с трудом могут разминуться в спокойной обстановке, спрятаться негде. Следующая пуля вонзается в грудь кого-то из «торговцев», опрокидывая его на напарника и сбивая тому прицел. «Мамаша» прячется в тамбур, видимо, намереваясь выскочить – вагон еще движется, но уже лишь чуть быстрее пешехода.

На боку девочки расплывается темное пятно, следующий выстрел отбрасывает ее на пол, к двери купе. Так, с этой стороны теперь чисто, перекидывая правую руку на грудь, и уже два ствола выплевывают пламя в сторону основных сил неведомого противника. «Папаша» уже не шевелится, один «торговец» – тоже, его напарник пытается стрелять, используя труп как укрытие... Где третий?

– Ангир! Тащи! Кимер! Справа!

Рывок, я оказываюсь внутри купе, над головой бабахают револьверы ахтурца. Три, четыре, пять, шесть...

Вагон дергается, окончательно останавливаясь, и вдруг наступает тишина. Подскакиваю, сую Ангиру револьверы – заряжай! – и выныриваю обратно в коридор. Кимер держит на прицеле тамбур, где скрылась «мамаша». Поднимаю выпавший из руки пацана револьвер с глушителем – в барабанах еще три патрона, – нагибаюсь возле первого «торговца», прихватывая и его оружие. Второй тоже мертв – Кимер постарался.

Где третий? В купе?

В коридор высовывается взлохмаченная голова барона:

– Таннер! Что происходит?!

Вытянув в его сторону руку, раскидываю пальцы в сигнал «в укрытие». Заглядываю в купе «почтенного семейства» и тут понимаю, что так и не перешел на обычное зрение. Надеюсь, сержанты не догадались посмотреть мне в глаза в эти минуты.

Так, здесь чисто. В смысле, никого.

В купе «торговцев» тоже пусто. Выхожу в тамбур. Никого. Дверь, выходящая на здание вокзала, распахнута настежь. Противоположная закрыта, причем на замок. Так... Ведущая в междвагонный переход. Открываю ее... чтобы едва не быть сбитым с ног сержантом-меленгурцем.

– Что случилось? – На мое счастье, он узнает меня раньше, чем успевает спустить курок.

– Нападение. Твоих положили.

– Враг?

– Было семеро. Двоих пока ищу, остальных погасили. Поднимай своих,ставляйте посты. В вагонах. Наружу не высывайтесь.

Он исчезает, а я пытаюсь понять, куда подевались «мама-ша» и третий «торговец», который явно был у них за мага.

А ведь они где-то близко. Страж не успокаивается.

– Кимер, объясните барону Фогерену – это он сейчас выглядывал – что нужно одеться и быть готовым покинуть поезд. Пусть он объяснит это остальным.

Я спрыгиваю на землю, отхожу в сторону, пытаюсь загля-

нуть под вагон... и едва уворачиваюсь от пули, которая дзынкает об рельс в паре шагов от меня. Перекатываюсь и с разворота делаю три выстрела в сторону невидимого мне стрелка, пока оттуда раздается еще один.

Сдавленный вскрик, негромкий стук от падения чего-то, похоже на металл по камню. Между колес вагона виднеется темный неподвижный силуэт. Бесформенный, обмякший. Попал, что ли?

Подбираюсь ближе. Это «мамаша». Так, рана в плече, у основания шеи... третья пуля вошла в висок. Однако... А ведь я ее не видел. Поднимаю ее оружие. Такой же револьвер с глушителем. Любопытно. А выделка явно фабричная или без магии не обошлось. Все же, где последний из нападавших? Ведь не ушел же далеко – иначе почему страж не успокаивается?

Я отхожу от поезда, водя револьверами из стороны в сторону. Один из них пуст, но врагу об этом знать не обязательно. Если он не внизу, тогда...

Он наверху.

Два выстрела сливаются в один.

И мир меркнет.

Я лежу на спине, ощущая, как в нее, несмотря на одежду, больно впиваются острые грани камешков. Ну и гравий тут у них... Стоп. Почему я лежу? Что болит? А вот и ничего... Вроде. Нет, голова... Голова болит. Как с похмелья.

Открываю глаза. С небом все в порядке. С краев поля зрения в фокус всплывают лица. Встревоженные. Знакомые. Ко мне склонился Кравер, ощупывает.

– Где болит?

– Голова... – говорю я и пугаюсь собственного голоса. Что за хрип?

– Еще?

– Да нет вроде...

– Ясно. – Пожевав губами, лекарь командует: – Поднимите его и несите в вагон.

– Что случилось? – выдавливаю, различив лицо Урмарена.

– Последний из убийц оказался колдуном. На твое счастье, он попытался применить боевую магию, находясь в поле действия защитных заклинаний, которыми поезд оплетен гуще, чем большая бутылка с вином. Видимо, он посчитал, что они не работают над крышами вагонов. В итоге его разнесло в клочья сразу, едва он произнес формулу. Будь он на земле и позади тебя – ты бы не спасся. А так – тебе досталась лишь часть его посылы, успевшая прорваться, прежде чем защита поезда вернула ему его зло. Чистая энергия.

– От него что-нибудь осталось? – Жив ли последний из убийц, я не спрашивал. Если «брызги» этого заклятия сбивают с ног, то...

– Только револьвер, и тот оплавился, – слышится голос Ладера, но его самого я не вижу.

– Пленных нет? Никого живым не взяли?

– Какие пленные, Таннер? – нервно хмыкает граф. – Каждый из них умер с двойной гарантией. Кравер, ну что с ним?

– Пулевых и ножевых ранений нет, защита погасила магическую составляющую заклинания, так что Таннеру достался, скажем так, хороший удар дубиной, с которой к тому же смыли яд.

Да уж, удар, причем по голове. Пытаюсь пошевелиться и с удовольствием ощущаю, как тело возвращает прежнюю подвижность.

– Отпустите меня, – о, и голос вроде пришел в норму, хоть и хриплю еще, – я могу идти сам.

Подхожу к вагону, поднимаюсь в тамбур, захожу в купе и плюхаюсь на свою постель. Закрываю глаза. Слышу шебуршание, приглушенный стук – похоже, на стол положили что-то металлическое, голоса. Потом вдруг становится тихо. Все вышли и дверь закрыли... А, нет, не все.

– Таннер? Можете говорить? – голос графа не дает мне провалиться в серый туман. Все-таки здорово меня приложило.

– Ваша светлость? – отвечаю я и пытаюсь его разглядеть.

– Что это, Таннер? Вы знаете, что это за штука? – В поле зрения попадает темный цилиндрик, свинченный со ствола вражьего револьвера.

– Глушитель звука выстрела, – машинально отвечаю я, прежде чем понимаю, что снова прокололся.

– Откуда вы знаете? – голос графа обретает нехорошую

такую вкрадчивость.

– Догадался, когда увидел их в действии, – пробую выкрутиться. Все-таки я действительно видел их в работе и мог соотнести странный вид револьверов с изменившимся звуком выстрела.

Граф кладет глушитель на стол и вздыхает.

– А я уж подумал, вы такое раньше видели.

– А вы?

– Если бы видел, вас не спрашивал бы... Вот только... Я не оружейник, но даже я понимаю, что это не самоделка. Это сделано в фабричных условиях. Это – итог долгой работы, а не случайная находка талантливой механика. Жаль, что вы такого раньше не встречали. Хотел бы я знать, где они это взяли. Ладно, рано или поздно узнаю. Предупреждая ваш следующий вопрос – нет, ничего в багаже наших «неслучайных попутчиков», что указало бы на пославшего их, не нашли. Документы, конечно, фальшивые, но чтобы обмануть кассира или дежурного на такой станции, как Бергани, сойдет. И пока непонятно, почему они сели в поезд именно на той станции.

– Что вам непонятно, ваша светлость?

– А вам, Таннер, все понятно? Вот вы – как вы видите это?

– Ну... Смотрите сами: до нашего прибытия в Меленгур никто не знал, где вы находитесь и куда направляетесь. Это случилось когда? Три дня назад. Даже если среди нас есть агент ваших врагов, все равно это прибавляет им лишь сутки

– при условии, что он мог отправить сообщение с той станции, где мы садились в поезд, идущий в Меленгур. Что можно сделать за три-четыре дня?

– Хм... Действительно. Продолжайте.

– Вряд эта группа преследовала нас от Меленгура – даже самые быстрые лошади проигрывают поезду в скорости, и они не могли надеяться на то, что узнают о нашем отъезде достаточно рано. Нет, они прибыли в Бергани заранее, может еще когда мы даже не сели в поезд. Пославший их просто был уверен, что рано или поздно мы проедем через эту станцию. Ведь поезд – самый быстрый и безопасный способ добраться до столицы. Вряд ли вы поехали бы лесными дорогами...

– Верно. Но кое-что вы упустили.

– Что же?

– Если, как вы говорите, среди нас вражеский агент, то он мог просигнализировать еще из Каменной Розы. Ведь я посылаю оттуда телеграммы, но на станцию, чтобы их отправить, ездил не я.

– Вы сомневаетесь в своих людях?

– Я больше уверен в своих врагах, Таннер. А мои люди – всего лишь люди. Ведь этот предполагаемый вражеский агент вполне мог заставить – магией – того же Ладера отправить на одну телеграмму больше и сразу же забыть об этом.

– Или, ваша светлость, утечка происходит на другом конце линии.

– Что ж, это многое объяснило бы, – кивает он с задумчивым видом.

– Еще один момент...

– Какой?

– Что, если в поезде находится кто-то еще? Скажем так, контролер?

– Контролер?

– Ну, как еще назвать человека, который должен убедить-ся, что у них все получилось? Ведь нападение могло сорваться – и сорвалось. А могло получиться так, что у них не вышло, но они сбежали и попытались бы скрыться от гнева... заказчика. Причем нападавшие не знали того, кто следил за ними. Ему достаточно находиться среди пассажиров. Ведь такое убийство вряд ли удалось бы скрыть.

– Это да, – соглашается Урмарен. – Но как нам найти этого вашего... контролера?

– Никак, ваша светлость. На станции Бергани, помимо этих семерых, в поезд село еще несколько человек. Около десятка, по-моему. Вы думаете, нам удастся найти среди них нужного нам?

– Браво, Таннер, вижу, эта неприятность не сказалась на ваших умственных способностях. Я пришел к тому же выводу, только чуть раньше. Ладер уже перетряхивает стадо в поисках паршивой овцы.

– А он не мог сойти?

– Здесь? Нет. Я сразу распорядился никого не выпускать

и задержать поезд настолько, насколько потребуется. Если контролер, как вы его называете, действительно сел в поезд вместе с убийцами и если проводники следуют должностной инструкции, мы его быстро найдем.

Слишком много «если». Наверняка есть какая-то лазейка, и если контролер – не мелкая сошка, которой поставили предельно простую задачу...

– Ваша светлость! – в дверь просовывается голова Ладера. – Нашли!

Контролер действительно был. Когда проводники объявили, что будет проверка документов, а до того из поезда никого не выпустят, он напрягся. А когда Ладер с меленгурцами начал демонстративно шмонать вагон за вагоном, проверяя наличие билетов и документов и никому при этом не делая исключения, он запаниковал. Билет у него был до Тигуры – на случай, если бы нападение пришлось отложить. Выйти он, конечно, мог и на другой станции, но вот сел он на станции Бергани, и это скрыть никак не выходило – записано и на билете, и в журнале проводника.

Надо же, какой порядок, думаю я, но все оказывается куда проще. Железный путь – при всех своих плюсах – вид транспорта пока не слишком перегруженный, так что у проводника хватает и времени, и сил проверять не только билеты, но и документы, да еще и в журнал пассажиров записывать. Да и берут на эту работу – весьма уважаемую и хорошо опла-

чиваемую, кстати, – никак не дураков и лентяев. Расстояния между станциями довольно велики, а билеты дороги. И если путешествующий решается выбрать железный путь, значит, ему нужно по-настоящему далеко (как правило, за пределы родного сегоета, а то и провинции) и без документов он вряд ли выберется в дорогу. Нет, конечно, есть и те, кому надо от станции до станции всего лишь проехать, и даже не пересекая никаких границ. На такую поездку и билет продадут без документов, и в поезде их не спросят. Однако, как оказалось, проводник билетов не продает: если ты взял билет на один перегон, а хочешь ехать дальше – будь добр, выйди из поезда и на станции купи. Поезд на станции, даже небольшой, обычно стоит достаточно долго, вполне можно сбегать до кассы, взять новый билет и вернуться. Вот только выходит такой беспаспортный аттракцион заметно дороже одного сквозного билета, да и место за тобой не сохраняется. А если на станции окажется достаточно желающих уехать, чтобы тебе места на следующий рывок не хватило?

Нет, хочешь спокойно ехать в поезде, не привлекая ни чьего внимания – бери билет по всем правилам. Влезть без билета, наверное, можно, но перегоны длинные, делать проводникам особо нечего, так что проверка билетов для них – какое-никакое, а развлечение. На память они обычно не жалуются, так что легко замечают и новые лица, невесть откуда взявшиеся, и поддельный билет от настоящего отличить могут (тем более если на каждой станции подбегает к началь-

нику поезда служащий, который сообщает, сколько человек купило билеты, и о несовпадении чисел купивших и севших становится известно очень скоро), и даже если кто пересел на чужое место, тоже не оставляют без внимания. А вариант с безбилетным проездом в грузовых вагонах «контролеру», по вполне понятным причинам, не подходил.

– Тащите его сюда, – скомандовал граф и, уже выходя в коридор, бросил: – А вы, Таннер, отдыхайте... Скорее бы до столицы добраться, а то так, чего доброго, и не расплачусь с вами.

Ну-ну, ваша светлость... Что, валюта под названием «просто оставлю в покое» в вашем сейфе не водится?

Поезд задерживается на этой станции изрядно. Наш отряд редееет – четверо бойцов из прикомандированных остаются. Им предстоит решить с местными вопрос о доставке в Меленгур тел погибших товарищей – ранение у второго часового оказалось смертельным – и трупов нападавших. Остается и один из бойцов графа – он будет сопровождать тело Линсена в родовое поместье графа в Сентере, где его похоронят. У Линсена не было родни, и, в принципе, его могли бы предать земле и в Меленгуре, но граф сказал что-то вроде «...погибшие за меня будут лежать в моей земле». Что ж, граф слегка вырос в моих глазах. Но вот желания стать частью его личной армии у меня не прибавилось. Тем более желания лежать в его земле.

Наконец Лисьи Уши скрываются из виду. К этому времени рассвет вступает в свои права. Когда половина перегона до Талора остается позади, в наше купе стучится Ладер.

Увы, всего лишь для того, чтобы передать настоящее приглашение графа. Можно подумать, я бы отказался.

К моей радости, разговор о моем переходе к нему на службу не заходил. Речь пошла о результатах допроса «контролера». Увы, этот говнюк оказался очень мелкой сошкой. Наниматель заплатил ему аванс, объяснил задачу, добившись, чтобы он запомнил ее наизусть, показал тогда еще живых «торговцев» и «почтенное семейство» – причем они действительно не видели «контролера», – и тогда ему продемонстрировали портреты графа, барона и маркизы. И некоторых людей из их окружения. В Талоре «контролер» должен был сойти с поезда, дать телеграмму – почему-то в Норос, на тамошний телеграф, на имя Тируса Ралена, – прийти в гостиницу «Белая лошадь», что недалеко от вокзала, и там спросить почему-то опять же Ралена. И этот Рален, мол, должен выдать ему оставшиеся деньги. Я сильно сомневался, что он получил бы их, а не пулю или нож, но куда важнее было то, что «контролера» наняли в Мелате неделю назад. И покойная семерка прибыла оттуда же. Причем сначала в Талор, а уже там они сели на поезд, который привез их в Бергани за несколько часов до нашего там появления.

Сказать по правде, убийцы сильно рисковали – на маленькой станции должны были обратить внимание на людей, ко-

торые выходят из поезда и берут билеты на обратный поезд, при этом ни с кем не встречаются и никуда не уезжают, а просто ждут.

Я ожидал, что граф закомандует нанести визит в эту самую «Белую лошадь», но оказалось, что мы в Талоре вообще не будем покидать поезд, оставшиеся меленгурцы доедут с нами до Тагуры, где их сменит отряд, заранее вызванный графом из столицы. Нежелание «познакомиться с Раленом» граф объяснил просто: мол, все равно там, скорее всего, нарвемся на засаду или на человека, которому просто поручили отдать деньги – если вдруг загадочный наниматель решил сыграть честно.

Контролера этого, к слову, я больше не видел. Что с ним стало, не спрашивал.

Поезд благополучно прибыл в Талор, опоздав всего на сорок минут. Остальное машинист сумел наверстать. Стояли мы примерно час, за это время к составу прицепили вагон для лошадей и платформу с повозкой – какой-то местный землевладелец выбрался в гости к далеким родственникам. Попутчики наши (те, что занимали два купе в нашем вагоне, когда мы сели в поезд) одни сошли в Талоре, другие с радостью перешли в другой вагон, оставшиеся меленгурцы перебрались на их места, заняв также опустевшие купе, где ехали несостоявшиеся убийцы – теперь вагон был полностью наш. В хвостовых вагонах, судя по суете, царившей возле них, поменялась большая часть пассажиров, если не все. Граф при-

вычно наведалься на местный телеграф, но по его лицу итоги переговоров – если, конечно, он успел получить ответ – не прочитывались. Впрочем, меня вполне устраивало то, что страж оставил свои колокола в покое и мирно спал.

Где-то после Красного Утеса – там действительно торчала вдали над лесом внушительного вида скала красноватого цвета, выделяясь на фоне все более заметных гор, – по мою душу пришел Ладер. Граф снова потребовал меня к себе. Честно говоря, я уже был рад приглашению – и отоспался, и в окно насмотрелся, а вот разговор с подопечными не клеился. До Тигуры оставалось еще несколько часов, и Ангир, похоже, сейчас не рад был своей откровенности. Сейчас могли бы думать совсем о другом, давно потеряв нас из виду, а тут... Кимер относился к ситуации более философски, но тоже мысленно, наверное, был уже в своем полку и прикидывал, как будет объясняться с начальством.

Честно говоря, я был готов, что граф меня удивит, но все же ему это удалось. Он сразу заговорил о тех, кого я оставил в купе. В том смысле, что для их безопасности будет лучше, если в Тигуре мы с ними попрощаемся – причем с обоими – и оттуда они вернутся к местам службы самостоятельно. И если их начальство удовольствуется состряпанными нами бумагами, то никогда не догадается связать сержантов с графом и всеми нами. Ну что ж, будем надеяться, что все именно так и кончится.

Когда я возвращаюсь в купе, сержанты дружно свешива-

ются с верхних полок – по умолчанию одна из нижних числилась за мной, а другая была вроде дивана для гостей или того, кто не спит, – выражая своими лицами немой вопрос.

– Расслабьтесь, парни. Кажется, граф Урмарен передумал вас вычеркивать из списков живых.

– Он все-таки нас отпустит?

– Да. В Тигуре. Даже денег на дорогу даст. Побольше, чем я. Нет, мне возвращать сейчас не надо. Потом отдадите, если свидимся.

– Чего ж это вдруг он такой добрый сделался? – мрачно поинтересовался Ангир. – Неужто потому, что убить его помешали?

– Очень на то похоже. Но лучше считать, что это вы себя спасли, а не его.

– Не бойтесь, господин лейтенант, мы ему про этот долг напоминать не станем, – немного нервно хмыкает Кимер.

А горы все ближе. Не пройдет и часа, как мы нырнем в Уларскую червоточину.

Страж? Лениво дремлет. То есть опасности нет. По крайней мере, для меня лично. А для этих двоих? Туннель, в котором поезд будет двигаться добрых полчаса – идеальное место для устранения нежелательных личностей.

– Значит так, бойцы, – говорю я так тихо, что едва слышу сам себя. – У вас десять минут, чтобы справить все нужды за этой дверью. После чего мы тихо сидим тут, закрывшись, никуда не выходим, пока за окном снова светло не станет.

Все ясно?

Ответом мне служит дружное кивание. Кстати говоря, мне понравилось, как мы сработали ночью. Как одно целое, причем для этого нам никакая магия не понадобилась. Нет, положительно – это хорошая мысль – заполучить обоих сержантов к себе на службу после того, как они исполнят свой долг перед империей. Если вдруг я перестану справляться со своими делами в одиночку, конечно же.

Первым за дверь выходит Кимер, следом высовываюсь я. У графского купе торчит Кестен – один из двух оставшихся у графа бойцов собственной дружины. А в начале их было, кажется, двенадцать... Едва заметный поклон в знак приветствия, и, проводив взглядом сержанта, он возвращается к созерцанию пейзажа за окном.

А горы все ближе.

Что все-таки не так? И ведь ни у кого не спросишь.

Я вдруг вспоминаю о прозрачнике, с помощью которого кто-то убил служанку маркизы. Забавно, но почти все основные подозреваемые в том убийстве сейчас здесь. Вот зачем я об этом вспомнил? Стою в двух шагах от Кестена, мучаясь этим вопросом. К слову, и Кестен, и его напарник Гроден были с нами в поместье Трингеса – так вроде звали того нера, у которого нас угораздило переночевать на пути в Мелату.

Возвращается Кимер, через пару минут в том же направлении уходит лариниец. Спросить, что ли, Ладера, что он еще помнит о прозрачниках? Или сразу у Меченого поин-

тересоваться? Пожалуй, второе. Когда Ангир возвращается, захожу следом за ним.

– Помните, что я вам сказал? Больше никуда не выходите. Мне тут надо кое с кем переговорить, но это быстро. Кто бы что вам ни сказал – ждите меня.

Закрывается дверь, десять шагов по коридору, стук в дверь, но уже другую. Меченый делит купе с лекарем. Кравер, оторвавшийся от какой-то книги, больше всего похожей на справочник по лекарственным травам, смотрит на меня с легким изумлением и тревогой (не случилось ли со мной чего). Маг, до этого то ли спавший с открытыми глазами, то ли изучавший рисунок царапин на нижней стороне полки у себя над головой – с явным интересом.

– Доктор, можно мне поговорить с вашим соседом? Наедине.

– Пяти минут вам хватит? – Нет, в самообладании Краверу не откажешь. Надеюсь, он действительно не обиделся.

– Хватит. У меня только один вопрос.

Кравер выходит, я присаживаюсь на его койку.

– Скажи, Мерген, что ты знаешь о прозрачниках?

– Тебя интересует что-то определенное? – говорит маг после небольшой паузы.

– Можно ли его выпустить в поезде? При действующей антимагической защите?

Меченый смотрит на меня с изумлением.

– С чего ты взял, что...

– Смотри сам. Помнишь, как убили служанку маркизы? В этом вагоне сейчас шестнадцать человек, включая нас с тобой, находившихся в том поместье. Это безотносительно к тому, кто из них мог это сделать – у меня, конечно, есть свой список подозреваемых, но я слишком мало знаю, чтобы не ошибиться. Ладер сказал мне, что удар нанес прозрачник. Верно?

Меченый кивает и замирает, мысленно подсчитывая: он сам, лекарь, граф, двое бойцов, Ладер, Хартен, Дикер, барон, Киртан, Хонкир, я, маркиза, Ольта и Тилен с Ксивеном... да, шестнадцать.

А потом Меченый начинает рассказывать. В основном то, что я уже слышал от Ладера, но есть и моменты, которых мой приятель не озвучил.

Прозрачник – почти идеальное магическое оружие. Потому что использовать его может почти любой (само собой, после некоторой подготовки), владеть магией при этом совершенно необязательно, хотя желательно – это помогает существенно усилить удар. Впрочем, и ножом ударить, и просто сдавить горло прозрачник все равно может лишь один раз – вся вложенная в него энергия расходуется в первой же атаке. Потому и нож не унесет – даже если перережет горло, а не воткнет его в грудь. Главное – выполнив задачу, прозрачник рассеивается бесследно. Прочитать в нем хозяина можно, только если оказаться с прозрачником лицом к лицу на время, достаточное, чтобы взглядеться. Но тогда и хозяин

увидит, что раскрыт. А если учесть, что он может находиться достаточно далеко, то у него есть весьма реальный шанс хотя бы скрыться. Не говоря уже о том, что он может сам рассеять прозрачника прежде, чем свидетель что-либо поймет. Артефакт же после использования превращается в обычный камень, хотя и до этого распознать его не всякий маг сможет.

– Ясно. А как насчет защищенных мест?

– Как бы это попроще сказать... В поезд прозрачник проникнуть не сможет. Но это если его создали снаружи. А вот если хозяин и артефакт находятся внутри вагона... Тут ничего не скажу. Не слышал о таком. Но, возможно, есть какая-то лазейка.

– Понятно... Кстати, а в червоточине, то есть проходе под горой, как действует магия?

Меченый пожимает плечами.

– Не слышал, чтобы там она действовала как-то иначе. Хотя кто знает... Всякий камень ведет себя по-своему.

Не знаю, что еще я смог бы у него спросить, но в купе возвращается лекарь:

– Ну что, все выяснил, что хотел? Тебя барон звал – я сейчас слугу его встретил, он как раз к твоим подопечным стукался.

Благодарю обоих и выхожу в коридор. Точно, рядом с Кестеном стоит Хонкир, рассказывая тому что-то веселое.

– А, Таннер! Тебя...

– Я уже в курсе. Не знаешь, зачем?

– Он мне не сказал.

Стучусь. Дождавшись разрешения, вхожу. Барон сидит за столом, перед ним перевернутый лист – что-то писал, и несложно предположить, что – девять из десяти, что письмо Тинии Линденир.

– Входи, входи. Садись. – Он указывает мне на сиденье напротив, терпеливо ждет, пока я усядусь и, наконец, спрашивает: – Шай, что ты думаешь... о том, чтобы... сойти с поезда в Тигуре?

Вот те раз. Чего не ожидал, так этого. С чего бы это вдруг?

– Я понимаю, это звучит... неожиданно. Когда я предлагал тебе продлить наш договор, я думал о том, что сделаю это еще раз, уже в Тероне. Но ситуация уже не та. И дело даже не в том, что я влюбился, собираюсь жениться и, возможно, наконец-то остепенюсь и осяду, и у меня не будет на счету каждый человек, способный держать оружие. Но дело не в этом. Просто я вот о чем подумал... Унар Урмарен – неплохой человек, но... он вряд ли примет от тебя другой ответ, кроме положительного. Ты знаешь, о чем я. До столицы – еще четыре дня пути. За это время много чего может случиться. А в Тигуре мы будем уже завтра. Деньги и оружие у тебя будут.

– А документы?

– Если нужны будут действительно законные бумаги, предъявишь то, что я тебе выписал. Пришло в негодность? Не беда, сейчас новое сделаем. В ситуации попроще – предъ-

явишь «подарки лейтенанта Сидена», чтобы лишний раз не светиться. Что-то мне сдается, ты прихватил не только его документы, но и кого-то из тех, кого вместе с ним ухлопали.

– А как же граф? Не пустит за мной Серую стражу?

– Тигура – это не Ларинья и не Сентера. Это Ханаран. Нынешний герцог возглавляет Красную стражу⁵, а его зять – ее ханаранское отделение. Присутствие Серой стражи в Ханаране лишь обозначено. Нет, управление, конечно, есть, но только в Ханоре – провинциальное, причем людей в нем меньше, чем в Меленгуре, в сегетах управления – одно название, по сути – опорные пункты, причем в любом из них вместе с охраной хорошо если десяток человек наберется. Сидят и не рыпаются, да и перекуплены наверняка. Так что граф не сможет злоупотребить служебным положением, как обычно выражаются крючкотворы, а свои люди ему сейчас нужнее под рукой и в столице. А ему самому лучше пересечь эту ничем вроде бы не примечательную провинцию незамеченным и как можно скорее. То есть, если ты уйдешь сейчас, то получишь изрядную фору. Да и потом, скорее всего, графу достаточно долго будет не до тебя. В конце концов, что ты ему обещал? Что дашь ответ по прибытии в Терону. А если твой приезд в столицу не состоится?

– Есть одно «но»...

⁵ *Красная стража* – военная контрразведка Аларийской империи, выполняющая также функции военной полиции; имеет собственные воинские формирования.

– Ты о чем?

– Здесь не так много дорог, ведущих на юг. И все они небезопасны – кроме одной. Этой.

– Демон тебя пережуй, Шай! Что тебе нужно на юге?

– Скорее, мне не надо на север.

– Опять ты говоришь загадками. Я уж подумал, что ты что-то вспомнил, просто не хочешь говорить. Как по мне, так тебе стоило бы вернуться в Сентеру и скрыться на несколько месяцев, например, у нашего общего друга Барена. Или даже в замке у моего отца.

– Венкрид... – Я слегка запнулся – никак не привыкну называть его по имени и на ты. – Ты не подумал, что именно туда граф наведается по мою душу в первую очередь. И в поместье твоего будущего тестя, и на тот хутор тоже. Спрятаться я могу только там, где меня никто не додумается искать.

– Это где же? – смотрит он на меня с подозрением.

– А этого я и сам пока не знаю. Но надо ли прятаться? Точнее, получится ли спрятаться? Я достаточно видел и слышал, чтобы догадаться, что вы с графом расковыряли что-то очень дурно пахнущее. И меня рядом с ним видело достаточно много народу, чтобы я опасался остаться в одиночестве больше, чем оказаться еще ближе к графу. Не будешь же каждому пытающемуся меня убить объяснять, что мне просто было по пути.

– Ладно, как знаешь. Но все же подумай.

Возвращаюсь в купе. Вроде недолго отсутствовал, а на-

прямление во взглядах такое, словно меня три дня не было. Но раскачиваться некогда.

– Так, парни, – говорю, – заранее предупреждаю – может быть, я буду делать и говорить странные вещи, и вообще – выглядеть странно. Когда начнется – если что-то начнется.

– Что требуется от нас? – Кимер опять реагирует первым, пока лариниец еще переваривает услышанное.

– Не обращать на эти странности внимания и делать, что скажу.

– Это как раз понятно, – с облегчением говорит Ангир, – это можно.

Поезд замедляет ход – до входа в червоточину осталось совсем немного. А потом – раз! – и свет и тьма меняются местами. Теперь за окном летящая прочь темно-серая муть, в которой с трудом удастся разглядеть какие-то непонятные узоры, а в купе неяркий и очень уютный свет.

– Который раз вижу, – признается Кимер, – а никак привыкнуть не могу.

– Привыкнешь к такому, ага, – ворчит Ангир, вставляя в барабан револьвера последний недостающий патрон. Честно говоря, нам бы сейчас те вражьи пукалки с глушителямигодились, но вряд ли граф с нами поделится за спасибо.

Страж начинает шевелиться, но звона в висках не ощущается. Так, в туннеле мы уже минут пять. Значит, если что-то и начнется, то до того как поезд пройдет половину туннеля. То есть вот-вот. Если, конечно, противник не намерен оста-

навливать состав.

Та-ак, а самое главное-то я из виду и упустил! Сам-то логику в предположении насчет прозрачника вижу? Нет, смысл есть – к магии обращаются, когда обычные средства не помогли. И если есть способ пробить или обойти защиту. Но кто тогда цель? Прозрачник ведь оружие одноразовое, маловероятно, что даже маг сумеет совершить с его помощью более чем одно убийство. А если это обычный человек, то и вовсе – однозначно не сможет. Логика подсказывает, что самой важной целью среди нас является граф Урмарен. Но если мишень – не он?

Выглядываю в коридор. Такой же неяркий свет, как и в купе. Часовые-меленгурцы в концах коридора, все еще Кестен у графского купе. Больше никого не видно.

– Все тихо?

Кестен молча кивает, но машинально кладет руку на кобуру. Правильная реакция. Закрываю дверь, сажусь на свою койку. Нет, не верю я этому спокойствию.

Все-таки почему мне пришла в голову мысль о прозрачнике? Непонятно. Так, а что мы имеем? Насколько я успел разглядеть вторым зрением, вагон – точнее, его антимагическая защита – представляет собой своего рода капсулу, обособленную и полностью закрытую. То есть хозяин прозрачника должен находиться внутри этой капсулы, иначе он не сможет его вести. А попытка преодолеть барьер – из другого вагона – может закончиться для него весьма плачевно.

Кажется, я понял, почему подумал о прозрачнике: мои познания в части боевой магии весьма невелики, и это — из того немногого, с чем уже пришлось столкнуться. Кроме того, прозрачник не воспринимается, по идее, как та самая боевая магия. «Всего лишь» возникает нечто человекоподобное, способное совершить несколько движений, воспроизводящих человеческие. В удушении или ударе ножом как таковых ничего магического нет. То есть реальная возможность обойти защиту. Или хотя бы на шаг опередить...

Нет, ерунда какая-то. Пустые рассуждения...

Страж взвывается на дыбы. Опасность! Совсем рядом!

Наверное, что-то происходит с моим лицом, потому что Кимер сразу подхватывается, да и Ангир запаздывает лишь на мгновение. Вываливаемся в коридор — не сидеть же в купе и ждать, пока смерть придет за нами.

Свет мигает, странно и тревожно, отчего глаза не сразу могут уловить, что прячется в этих вспышках.

Дым, сгустившийся в человеческий силуэт? Дым-то дым, точнее — туман, вот только больше похоже на щупальца. Но ведь прозрачник вроде бы должен походить на своего поводыря? Тогда что это?

Но за Кестеном не разглядеть, а он стоит, перегораживая собой проход. Потом медленно поворачивается ко мне всем корпусом и неуверенно, словно только научился ходить, делает первый шаг. И смотрит на меня с недоумением и страхом. Одно из «щупалец» позади него неосторожно прибли-

жается к стене и тут же наливается багровым свечением, словно раскаляясь. И тут же дергается, отскакивая назад и почти развеиваясь, но сразу же снова сгущаясь.

Демон их пережуй, этих создателей защиты! Не иначе, какие-то маги, любящие кататься в поездах, подсустились, чтобы внутри вагона все же можно было поколдовывать.

– Кестен?

Он шевелит губами, пытаясь что-то сказать, но у него не выходит даже мычания.

– Что за?.. – бормочет Кимер за моим плечом, пытаясь понять, что увидел. – Стоять! – шипит он, видимо, тому караульному-меленгурцу, что остался у меня за спиной. Или кто там еще может быть.

Кестен делает еще шаг и вдруг обмякает, словно из него выпустили воздух, и валится мне под ноги. А кобура-то пуста. Где его оружие? Я поднимаю взгляд и замечаю того караульного, что должен был стоять за графским бойцом. Меленгурец крутит в руках револьвер, словно не понимая, что с ним делать, потом начинает поднимать оружие.

Медленно. И взгляд у него такой же, как только что был у Кестена.

Я не жду, когда линия прицеливания поднимется до моей груди, не говоря уже о переносице. Разворот, толчок, и вот уже каблук впечатывается ему в грудь. Караульный валится назад, револьвер с глухим стуком падает на пол. А я, с трудом удержавшись на ногах, останавливаюсь у двери графа... под

которую только что втянулись туманные щупальца. А то, что оставалось в коридоре, растаяло.

Дергаю ручку – закрыто, перекидываю револьвер в левую руку и начинаю барабанить в дверь. Она открывается. На пороге – Урмарен, в ночной сорочке и халате, встрепанный, сонный, но с револьвером в руке.

– Таннер? Какого... – Не говоря ни слова, выдергиваю его в коридор – что не так уж и легко, учитывая, что он выше и тяжелее меня. Запнувшись за порог, граф падает, но его ловит подскочивший Ангир. И останавливает за мгновение до столкновения графского лба с подоконником. Но это происходит где-то на периферии моего зрения, а в купе колышется прозрачный человеческий силуэт. С ножом в том, что должно быть правой рукой.

Ну что, поиграем в гляделки? Только я не буду угадывать, кто ты. Мне, если честно, все равно.

Перехожу на второе зрение – благо, сейчас моих глаз не видит никто, кроме поводыря, да и тому, скорее всего, ничего не видно, потому что в купе полумрак, а за моей спиной внезапно переставшие мигать светильники – и, выхватив из кармана несколько монет, среди которых точно есть хоть одна серебряная, отправляю ее навстречу в одно мгновение потемневшему силуэту. Тускло поблескивающие кругляши, кувыркаясь, взлетают вверх и по короткой дуге долетают до переносицы. Точнее, до того места, где она должна быть у человека. Ибо лицо врага, которое, по идее, я должен был

разглядеть, оказалось размытым до неузнаваемости, а сейчас и вовсе неразличимым.

Судя по всему, в этот момент я просто светился в магической сфере. Потому что стена вокруг окна вдруг пошла стрелять разноцветными искрами. Прозрачник задержался, пытаясь исчезнуть прежде, чем посланный мной снаряд достигнет его, но получалось у него плохо и медленно – искры мешали не только мне. Растаяли кисти рук, и нож стукнулся об пол, стерлась макушка, пошли растворяться в воздухе ноги...

Но монеты влетают в пространство, занимаемое головой прозрачника, раньше, чем та начинает распадаться на отдельные дымные лоскутки.

Я едва успеваю переключиться на обычное зрение и закрыть глаза рукой.

Яркая – даже так – вспышка, звонкий хлопок и сильный запах гари.

Какая-то сила отбрасывает меня в коридор, спиной налетаю на кого-то, чудом не врезавшись головой в стену. И тут же где-то рядом раздается жуткий вопль.

В купе, которое занимали Кестен с Гроденом, на полу лежит Гроден. Одежда на груди разорвана, лицо потемнело, глаза закрыты. Лежит, раскинув руки. Ладони выглядят так, словно он держал раскаленный железный шар. Только самого шара нигде не видно. Замечаю на его лице множество мелких порезов, как от осколков, прежде чем меня оттесняют

в сторону. Вперед протискивается Кравер и склоняется над неподвижным телом.

– Жив, но что вернется в сознание, не поручусь, – выносит он через минуту вердикт и уступает место Меченому. Тот молча выталкивает из купе всех, кроме лекаря, и закрывает дверь.

– Что случилось? – это Кестен только что пришел в себя и попытался сесть. Его подхватывают под руки Хартен и Дикер и уводят в свое купе, Ладер только молча кивает в знак одобрения.

А ведь я ошибся. Подвела меня память. Кестена тогда в поместье не было – он вместе с графским законником, не помню его имени, сопровождал в Норос пленных, взятых в стычке у деревни под названием Три Сосны, и присоединился к нам только в Мелате. Собственно, еще до поместья от первоначальной дюжины бойцов за вычетом убитых и раненых у графа оставалось лишь четыре человека. Из которых уцелел лишь Гроден. К слову, и оба нынешних помощника Ладера присоединились к нам только в Мелате, заменив двух парней, с которыми я даже не успел познакомиться – один в той самой стычке погиб, а другой был тяжело ранен и отправился в графское поместье. Значит, служанку маркизы убил тоже Гроден? Но за что? Они ведь если и были знакомы, то совсем недолго. Вряд ли Гроден встречал девушку до постоянного двора Медведя. Или все-таки встречал? И...

– Таннер, на два слова. – Граф Урмарен усталым жестом

приглашает меня в купе барона. Ну да, в его собственном сейчас жуткий беспорядок... наверное.

Дверь закрывается, отрезая нас от шума в коридоре. Я присаживаюсь на указанное мне место. В купе нас только двое. Хотя когда барон его покинул, я почему-то не заметил.

– Вы, Таннер, не переживайте, – правильно истолковав мой взгляд, говорит Урмарен, – с бароном все в порядке. Я послал его к маркизе, чтобы он объяснил ей, что произошло. И успокоил, если что.

– Что ж, это правильно. Но какие, ваша светлость, два слова вы хотели мне сказать?

– Спасибо, Таннер, – с чувством произносит он. Я вижу, что граф совершенно серьезен и искренен. Редко, очень редко можно увидеть его лицо таким. Можно даже не уточнять, за *что* он благодарит.

– Ваша светлость, – выдержав надлежащую паузу, – говорю я, – могу ли я спросить вас кое о чем?

– О чем?

– Я сегодня вспоминал, как мы едва не угодили в засаду возле Рекана. Уж извините, но я услышал тогда, как вы сказали над трупами тех двоих, кого успели допросить, прежде чем один принял яд, а второй попытался сбежать...

– А что я тогда сказал?

– Вы сказали: «Все равно никто не поверит». О чем шла речь?

– Таннер... Вы действительно хотите это знать?

– Я хочу понять, что происходит и насколько сильно я прогадал, присоединившись к барону Фогерену, а не к попутному торговому каравану. Но прежде чем вы ответите на этот вопрос, ваша светлость, я скажу вам две вещи. Первое – я буду считать, что мы квиты, если вы позволите моим подопечным покинуть нас в Тигуре. Пусть возвращаются в свои гарнизоны. Все равно им это сказкой не покажется. Навредить по-настоящему они могут только себе. Лишними словами, я имею в виду. Второе – я, пожалуй, отвечу «нет» на один ваш регулярно повторяющийся вопрос.

– То есть вы отказываетесь перейти ко мне на службу?

– Да, отказываюсь.

– Но почему, Таннер? Вы ведь обещали подумать до Тероны?

– Я думал над вашим предложением. Много думал. Оно, конечно, открывает передо мной определенные перспективы. Но... но куда больше закрывает.

– Вы ставите меня в неудобное положение. Мне всякое приходилось делать на этой службе, но мне бы очень не хотелось избавляться от человека, который спас мне жизнь, зная, что я могу приказать его убить... Причем спас, не особенно рассчитывая на то, что это как-то отразится на нем самом...

– Не расстраивайтесь так, ваша светлость. Могло быть куда хуже.

– Это точно... Извините, Таннер, но на ваш вопрос о тех моих словах я не отвечу. Из-за вашего отказа. Впрочем, даже

если бы вы согласились, все равно не мог бы сказать. Что я могу для вас сделать... из более доступного?

— Вы можете помочь мне с документами. Сами понимаете, записка, пусть и заверенная баронской печатью, это не полноценный документ. Тем более что действителен такой «паспорт», лишь пока я состою у него на службе. А мне ведь не только по улицам гулять предстоит. У меня ведь, получается, ни паспорта, ни дома... ни биографии.

— Что вы собираетесь делать дальше? Ведь, я так понимаю, барона вы все же покинете?

— Ваша светлость, вы же в курсе его планов. И хотя я не прочь увидеть замок его отца и повидать Барена тоже, на север меня пока не тянет. Может быть, потом.

— Понимаю. Вы намерены осесть в столице. Наверное, и жильё вам какое-то понадобится, и деньги?

— Да, пожалуй, я останусь в Тероне... По крайней мере на какое-то время. Барон предлагал мне жить в его доме, и, думаю, я воспользуюсь его предложением. Хотя бы на первых порах. Но в дальнейшем, конечно, хотел бы обзавестись собственным жильём.

— А что потом?

— Пока не знаю, ваша светлость. Мой отрицательный ответ связан еще и с тем, что сначала я хотел бы разобраться со своими делами, прежде чем с головой окунаться в чужие.

— Вот за что вы мне нравитесь, Таннер, так это за здравомыслие. Редкий дар среди людей, с которыми мне приходит-

ся иметь дело. Я, пожалуй, даже не обижусь на ваш отказ, — ухмыляется Урмарен. Потом задумывается и после едва не затянувшейся паузы говорит: — Значит, так. Сержантов я отпускаю. Без оговорок. Мне это не нравится, врать не буду, но даю слово. Надеюсь, я об этом не пожалею. Что касается вас... Документы я вам обеспечу. По прибытии в столицу, само собой. Это и в моих интересах тоже. О деталях вашей биографии мы еще поговорим. Жилье, думаю, вам хочется найти самому, но если нужна будет помощь — помогу. Не сам, конечно, но у меня есть кого этим озадачить.

В этот момент происходит обратное переключение — темнота за окном сменяется обычным дневным светом, а светильники в купе гаснут. Слышен гудок. Поезд прошел Уларскую червоточину. То есть мы уже в Ханаране.

До Тигуры поезд останавливался трижды, но стояли каждый раз недолго — станции были маленькие, высадка и посадка пассажиров занимали совсем немного времени. Из наших наружу никто не выходил. Граф, похоже, не собирался пользоваться телеграфом, пока мы пересекаем Ханаран.

Особых отличий в пейзаже за окнами вагона не наблюдалось. Разве что лес здесь не тянулся сплошняком, открывая большие пространства лугов или чем-то засеянных полей. И чаще, чем в Уларе, можно было заметить в отдалении довольно большие деревни.

После каждой станции мы с Ладером и Дикером проходи-

ли по вагонам, изучая новых пассажиров – угрозу нарваться на очередных «чистильщиков» и «контролеров» исключать было нельзя. Однако никого больше не выловили. Перед Тигурой по вагонам отдельно прошелся Меченый, но ему тоже «никто не приглянулся». Похоже, враги графа возложили на ту команду слишком большие надежды.

Выгружались мы без особой суеты. Как ни странно, но нас встречали. Правда, не так торжественно, как в Меленгуре. Да и были это не люди из Серой стражи – здешних своих коллег граф явно не удосужился уведомить. Всего лишь, когда схлынула основная масса наших попутчиков – поезд дальше не шел, выходили все, – прямо на перрон въехала неприметная фура, куда какие-то шустрые личности под присмотром Ладера принялись перегружать наш багаж, а потом ее место поочередно заняли три довольно большие кареты, куда все и поместились.

Точнее, почти все.

Меня и моих подопечных в этих каретах не было. Здравомысляя, что будет лучше, если никто не увидит Кимера и Ангире рядом с графом Урмареном, да и меня тоже, мы – с ведома графа, конечно – остались в вагоне и вышли лишь тогда, когда шум отъезжающих карет перестал различаться среди прочих звуков, а проводник, рассыпаясь в извинениях, попросил нас покинуть поезд. Вышли мы через тамбур вагона, третьего от нашего. Иногда и такие уловки помогают.

Наверное, можно было вручить им деньги на дорогу и

бумаги и попрощаться прямо в вагоне, но граф рассудил, что будет лучше, если кто-то проконтролирует их отъезд из Тигуры. Своими людьми он рисковать не хотел, их и так мало осталось, людьми барона, к числу которых я уже фактически не принадлежал, тоже, телохранителям маркизы он по вполне понятным причинам не доверял, так что альтернативных кандидатур на роль провожающего не было. Решено было, что после всего я вернусь на вокзал, а оттуда меня заберет графский посланец.

Мы уже собрались проводить Ангира до знакомой ему гостиницы, но тут случайно выяснилось, что он еще успевает на последний дилижанс до Ханора. Мы попрощались, и он, заплатив за билет, вскочил в повозку. Дверца закрылась, дилижанс тронулся и вскоре скрылся из виду. Удачи тебе, «земляк».

Мы же с Кимером вернулись на станцию. По дороге решили, что ему лучше возвращаться в часть тем же маршрутом, каким отряд Мархена прибыл в Улару, только в зеркальном отображении. То есть выехать первым же местным поездом на Терону, но сойти не доехав до столицы сорок тиг, в городке Кларин, а уже там сесть на дилижанс, идущий до Градены – города, где расквартирован его полк. Возможно, через столицу вышло бы и проще, и быстрее, и дешевле, но так – меньше чужих глаз. Поезд отправляется завтра, еще до полудня. Сержант решил устроиться на ночь в гостинице, которую приметил, пока провожали ларинийца. Я не стал за-

ходить с ним внутрь, больше того – остановившись у предыдущего перекрестка, остался ждать за углом дома на другой стороне улицы. Он скрылся внутри примерно на четверть часа или чуть больше, потом вышел, уже без вещей, и, когда мы оказались вне видимости гостиничных окон, сказал:

– Ну что, господин лейтенант, будем прощаться? Я же понимаю, дальше у нас дороги разные.

– Верно, сержант. Но ты помнишь, о чем мы договорились?

– Помню. Дослуживаю до конца срока, новый договор не подписываю. Еду к родителям, жду письма. Если в течение двух месяцев не получаю его, волен делать что хочу. Если получаю, обязан на него ответить, даже если не смогу принять приглашение.

– Все правильно. Ну, удачи тебе.

Мы обнимаемся, он скрывается за углом. Выждав минут пять, выхожу на улицу – никого. Все. До отхода его поезда чуть меньше двенадцати часов. Завтра, едва состав тронется, он забудет все, что должен забыть. И не вспомнит, пока не получит письмо.

А пока я снова возвращаюсь на вокзал. Там у расписания меня должен ждать человек, который отведет или отвезет в нынешнее укрытие моих попутчиков.

Вот только у расписания, висящего в зале ожидания рядом с окошком кассы, я никого не вижу. Расписание – это, впрочем, громко сказано. Деревянный щит, на котором кем-

то очень старательно выписан перечень всех поездов и время отправления. Поездов, собственно, всего шесть: Тигура – Норос, Тигура – Терона и Терона – Мелата, который экспресс, и они же, только в обратном направлении. Экспресс проходит раз в неделю в каждом направлении, местные – раз в сутки.

Еще раз оглядываюсь – по-прежнему не вижу знакомых лиц. Более того – вообще никого. Ну да, конечно. Следующий поезд только утром. Скорее всего, здание вокзала вот-вот закроют на ночь. В конце концов, зал ожидания – не место для ночлега, гостиниц вокруг хватает. Но что делать мне? Если я правильно понял Урмарена, за мной должен кто-то прийти. Кто-то, кого я знаю в лицо. Я ожидал увидеть если не Ладера, то кого-то из его парней. Ну, или Хонкира.

Завидев служащего со связкой ключей, выскользнувшего из-за двери без надписи и уткнувшего в меня недовольный взгляд, киваю – понял, мол – и выхожу на привокзальную площадь, если это можно так назвать. Хотя, как по мне, для площади маловато этой самой площади. Впрочем, десятку повозок места разъехаться хватит. Людей на выходящих к вокзалу улицах немного. И никто из редких прохожих не проявляет ко мне интереса. И уж точно не движется в мою сторону. А скоро стемнеет.

Ладно, думаю, не смертельно. Деньги есть, я в городе – гостиниц в округе хватает. Ночевать на улице точно не буду. Заметив забегаловку с забавной вывеской, изображаю-

щей весьма пухлого белого кота, направляюсь туда. Кто знает, когда еще получится поесть. Скучающий за стойкой толстяк, чем-то очень похожий на кота с вывески, при виде запоздалого гостя оживился, а когда я поинтересовался, можно ли поужинать, и вовсе засиял – видимо, обычно в этот час к нему заглядывали только любители пропустить стаканчик. Менер – так он представился – притащил заказанное, привычно сгреб выложенные на стойку монеты и хотел, наверное, о чем-то спросить. Но тут дверь открылась, заставив колокольчик звякнуть, и вошли трое парней, которые с порога, едва поздоровавшись, потребовали пива. Менер покивал, выставил кружки, послышался неясный шум, и он что-то сказал. Видимо, смешное – парни заржали и, подхватив пиво, направились к столику в дальнем углу. По мне скользнули любопытные взгляды, но угрозы я в них не почувствовал. К тому же меня больше занимал вид, открывавшийся из окна. Понемногу разбираясь с ужином, я наблюдал за площадью. Впрочем, там ничего не происходило. Разве что прохожие все реже нарушали эту застывшую картину.

Парни допили пиво и ушли – поздно вато все же, чтобы засиживаться, да и не конец недели. Менер, обслуживший еще нескольких клиентов, – те как-то почти одинаково заказали по чарке чего-то крепкого (не разобрал названия) и почти сразу свалили – подсел ко мне.

– Ты, я вижу, не местный?

Почувствовав в его речи легкий акцент, напоминающий

мне почему-то Ангира, решаю не прикидываться:

– Верно.

– А откуда?

– Из Мелаты. – Ссылаться на Ларинью я опасаясь. Как и на Норос – наверняка люди оттуда бывают здесь достаточно часто. И понимаю, наконец, почему вспомнил «земляка» – надсержант ведь служил в Ханаране все последние годы, и это не могло не отразиться на его речи.

– Поездом приехал?

– Поездом.

– Ночевать есть где?

– Пока не устроился... А что, комната найдется?

Менер называет цену. Почти вдвое выше, чем взяли бы в гостинице. Зато не спрашивает документы. Договариваемся на ночь и завтрак, а потом будет видно – я ведь пока не знаю, насколько задержусь в Тигуре. Он уходит распорядиться насчет комнаты, я подсаживаюсь ближе к окну.

И вдруг замечаю двух мужчин, идущих всего в нескольких шагах от фасада «Белого кота». Идущих неспешно и явно кого-то высматривающих.

Уже прилично стемнело, но в этот момент подозрительная парочка входит в светлый круг под фонарем. И я вижу их лица, хотя смотрят они в сторону здания вокзала. Тот, что кажется чуть более высоким и худым, вдруг прибавляет шаг и выходит вперед. Второй наоборот, отстает и делает вид, что первого не знает – случайно рядом оказался. Может, дорогу

спросил.

Ага, сейчас.

Первый – это... Ксивен? Точно, он. Но что он здесь делает? Вряд ли граф, зная о, мягко говоря, странном поведении телохранителей маркизы в Меленгуре, отправил бы его по мою душу. Хотя, впрочем, как раз Ксивена никто не подозревал. Разве что сомнения были, что он совсем ничего не знает о делах напарника. Ерунда какая-то, все же. Так, ладно, а второй кто?

Человек подходит ближе... И я с изумлением узнаю в нем беглого сержанта Пелера. Едва успев отодвинуться от окна. Однако Пелер проходит дальше, не задерживаясь у двери «Белого кота». Тем временем возвращается Менер с каким-то парнишкой:

– Остен покажет тебе комнату.

– Хорошо... Да, Менер – если кто-то будет спрашивать, не заходил ли к тебе кто, и по описанию будет похоже на меня – ты не видел. Ну, или лучше – поел, выпил пива и ушел. Договорились?

Я протягиваю ему еще одну серебряную монету, он кивает:

– Ага. Был такой вроде, с час назад или больше, выпил пива и ушел.

– Годится.

Поднимаюсь за пареньком по узкой лестнице. Похоже, Менер частенько брал постояльцев – в короткий коридорчик

выходят двери четырех комнаток. Комнатка маленькая, вроде той, в которой я жил когда-то у Барена. Надеюсь, у него все хорошо.

Паренек убегает, получив свою монетку. Однако мне повезло. За это стоило переплатить – окно выходит на площадь. И я вижу Пелера и Ксивена, прохаживающихся у здания вокзала. При этом они явно ругаются. Жаль, далеко – не расслышать. А если чуть магией подсобить?

– ...И куда он подевался, этот сукин сын? – это Пелер.

– Мне откуда знать? Я слышал только, что он будет ждать на вокзале.

– А ты уверен, что он будет с тобой разговаривать?

– Нет, не уверен. Но он ведь не знает, кто за ним должен прийти. И что ты этого посыльного приложил так, что он хорошо если к утру очухается. Хотя лучше будет, если не очухается.

Все же как Пелер оказался в Тигуре одновременно с нами, если не раньше? Даже если, выйдя в Меленгуре из управления Серой стражи, он рванул сразу на станцию, опередить нас он никак не мог. Накануне никаких поездов на Тигуру не было. Даже грузовых. Так что очень похоже на то, что он ехал с нами. Вот только как? Вагоны ведь проверялись не однажды. В паровозную бригаду, что ли, попросился внештатным кочегаром? Впрочем, какая разница, как он сюда попал? Куда важнее, что он здесь делает.

– Слушай, Грен, давай лучше свалим, а? Тебе туда лучше

не возвращаться. Они что, по-твоему, два и два сложить не смогут?

– Смогут, – соглашается Ксивен, – но сейчас никаких улик против меня у них нет. Если я, как ты выражаешься, свалю, то одним махом все стрелки на себя переведу. Пока что мой напарник у них основной подозреваемый, а я лишь за компанию. Гроден, хоть у него и не вышло, хотя бы помер очень удачно – графский маг по его глазам ничего не прочел. Так что мне придется вернуться, и поскорее. Вот только мне этот Таннер уже не раз все портил. Да и тебя он в лицо знает. Надо его найти и прикончить.

– А если он нас сейчас видит?

– Вряд ли. Уже темно. Чтобы разглядеть, он должен быть рядом. Он же не маг, а боец. Везуч, правда, чересчур... сволочь.

– Но на площади никого, и вокзал закрыт уже. Куда он мог пойти?

– Он не местный и города не знает. И адреса дома, где граф и остальные разместились, – тоже.

– Ты уверен?

– Я слышал разговор графа с Таннером. Тут с нами два мужика были. Вроде в поместье Линденира к нам примкнули. По виду явные вояки, к дисциплине и оружию привычные, опытные. Откуда они взялись, не знаю, расспрашивать не рискнул, но командовал ими только Таннер. И они его почему-то лейтенантом называли.

– А, понял. Это те двое, что с Таннером в камере были, когда мы с Кудером его к майору отводили?

– Они самые. Так вот, граф распорядился, чтобы Таннер их тут отправил. Куда – не знаю. Но почему-то не должны были они дальше с нами ехать. Вроде как не нужны больше. Ну, и чтоб не знали, где он тут остановился.

– Сообщим насчет них?

– А смысл? Насколько я понял, они простые бойцы. Мясо. Сделали свое дело и ушли. Вряд ли они что-то важное знают. А случится с ними что – на меня лишние подозрения. Зачем?

– Ладно, как скажешь. Меня они толком не видели, значит, мне и вовсе не навредят. Вернемся к графу и его стае. Может, все-таки устроить им сюрприз?

– Здесь нельзя, ты же знаешь. Даже намек не должно быть. Пусть Тигура и не Ханор, но нельзя.

О чем это он? Барон, помнится, говорил, что у графа в Ханаране будут связаны руки. Выходит, у его врагов тоже? «Даже намек». То есть даже внешне безупречная случайная смерть Урмарена может кому-то подпятнать светлый образ?

– Если у Таннера при себе были деньги, а они у него наверняка были, то он мог устроиться где-нибудь неподалеку от вокзала. Поужинать и снова выйти поискать посыльного. А то и комнату на ночь снять, если никто не придет.

– Так что, все окрестные забегаловки и гостиницы прочешем? – хмыкает Пелер.

– Все не надо, только на площади и по прилегающим ули-

цам в пределах квартала. Вряд ли он далеко от вокзала ушел.

– Тогда пошли, а то скоро закрываться начнут. И давай разойдемся, чтобы он нас вместе не увидел.

Поздно, ребятки. Я вас уже видел. И даже слышал.

Ксивен направляется куда-то в угол площади, ближе к зданию вокзала, а Пелер – прямо к двери «Белого кота». Ну, посмотрим, как Менер справится. Еще раз проверяю револьвер. Надеюсь, не понадобится. Не хотелось бы здесь стрелять. Я вас лучше голыми руками придушу. Ох, как голова-то разболелась от такого подслушивания.

Несколько минут в напряжении – и тихий стук в дверь:

– Эй, парень, это я, Менер. Спрашивали тут тебя, как ты и предсказывал. А я ответил, как ты сказал. Мол, заходил, поужинал, выпил пива и ушел.

– Как спрашивали? – я открываю дверь и впускаю Менера внутрь – не через замочную же скважину разговаривать.

– Тип, что заходил, мордатый такой, здоровый, постарше тебя, пожалуй, хотя ручаться не стану... Описал тебя – очень похоже. Сказал, что тебя Таннер зовут.

– Верно, это мое имя. Что еще он сказал?

– Сказал, что должен был с тобой встретиться на вокзале, но опоздал – дела задержали. Слушай, может, это все-таки друг твой? Ну, или...

– Нет, не друг. Нет у меня в Тигуре друзей и знакомых. Ты все правильно сделал... Слушай, Менер, а у тебя выход, кроме как на площадь, есть?

– Как же не быть. Есть, конечно. В переулок. Там, правда, грязновато, но сейчас сухо, это вот в дождь...

– Выведи меня.

– Назад вернешься? Мне без разницы, но ты ведь за ночь и за завтрак заплатил.

– Там видно будет.

Я прихватываю с собой весь свой немудреный багаж. Заметив револьвер и нож, Менер перестает улыбаться и нервно сглатывает, но молча идет вперед. Выводит меня в темный переулок, показывая замаскированный рычажок, больше похожий на сучок, который забыли стесать:

– Вот, если до утра вернешься – приходи сюда и нажмешь тут. У меня там звякнет, услышим – откроем.

Благодарю его и выхожу в сумерки.

У выхода из переулка останавливаюсь. Вовремя. Пелер уже вырулил с площади и чешет по улице, направляясь к тускло подсвеченной гостиничной вывеске. Ксивена вроде не видно.

Хорошо бы взять обоих, причем живыми. Но главное – не дать уйти Ксивену. Он опаснее. И Ксивен знает, где искать наших. Только где он?

Ладно, потом. Пелер берется за дверную ручку и скрывается внутри. Меня он там не отыщет, значит, пойдет дальше по улице. Так, а вон там, перед пивной, темный уголок, куда фонари не дотягиваются.

Перебегаю туда. Опаньки. Что называется, успел. В кон-

це улицы, в той стороне, где площадь, возникает знакомый силуэт. Ксивен. А я уж думал, искать его придется. Замечательно. Плохо только, что и беглый сержант вот-вот выйдет.

Звякает колокольчик над дверью гостиницы. Пелер?

А вот и нет – выходят четверо мужиков. Это не случайные прохожие. Униформа, дубинки. Городская стража⁶. Надеюсь, сладкая парочка заинтересована в их скорейшем уходе так же, как и я. Вжимаюсь в стену, но стражники направляются в сторону вокзала. Вот-вот, пусть идут. С миром.

Поравнявшись с Ксивеном, стражники останавливаются. Понятное дело, лицо незнакомо, а мужик крепкий, при этом на простого горожанина или заблудившегося селянина не похож. Ну что, с документами у него все в порядке? Так, что-то вроде достаёт, собираясь предъявить...

Колокольчик над дверью снова звякает.

Это Пелер.

Сержант бросает взгляд вдоль улицы и делает шаг с крыльца. Один из стражников оглядывается, но опасности явно не видит. Хм, патруль только что вышел из той же двери, что и Пелер. Не знаю, что они там делали, но наверняка его там видели. И, судя по поведению бойца, точно проверили. Опаньки, стражник не просто обернулся – толкнул старшего, тот поворачивается и отдает честь.

– Все в порядке, капрал. Я знаю этого человека.

– Да, господин лейтенант.

⁶ *Городская стража* – аналог патрульной службы обычной полиции.

Ксивен прячет бумажник, патрульные резво сматываются.

– Здорово ты их шуганул, – хмыкает телохранитель маркизы. – Можно подумать, ты им назвался начальником личной гвардии герцога. Кстати, а лейтенант ты чего? Не Серой же стражи...

– Ну, начальник не начальник, но лейтенант Теневой гвардии⁷ герцога Ханаранского.

– Да ну тебя...

– А чьи шевроны тебе больше нравятся? Сам понимаешь, не мог же я офицером городской стражи им представиться – они своих начальников всех в лицо знают, город все-таки небольшой.

– Ладно, нашел что-нибудь? А то у меня ничего.

– Тут за углом, – Пелер махнул в сторону вокзала, – мужик в забегаловке, с белым котом на вывеске, сказал, что парень, похожий на Таннера, заходил примерно через час после прибытия поезда из Нороса, поужинал и свалил. Вроде ничего при этом не спрашивал. Ни адреса какого-нибудь, ни подходящей гостиницы поблизости.

– И вот куда он мог податься? Я тут подумал – мы не слыш-

⁷ *Теневая гвардия* – тайная полиция провинции Ханаран, формально подконтрольная Серой страже, однако подчиненная ей через канцелярию императорского наместника, должность которого по традиции занимает герцог Ханаранский. При этом в Ханаране есть подразделения Серой стражи (отделения в сегетах и провинциальное управление), выполняющие главным образом наблюдательную функцию – в силу своей малочисленности. Подобные гвардии есть в ряде других провинций (например, в Ахтуре, откуда и пришла в Ханаран сама идея такой структуры).

ком широко размахнулись? Так мы со всеми патрулями перезнакомимся, пока окрестности вокзала прошерстим.

– Чего тут шерстить? Площадь уже проверили, в пределах квартала от площади – штук пять гостиниц осталось. Забегаловки через полчаса закроются – тут порядки строгие. В гостиницу без документов не пустят. А он, если не дурак, не рискнет под своим именем селиться.

– И что, по-твоему, он будет делать?

– Не знаю. Но я бы на его месте заныкался где-нибудь до утра – необязательно под крышей, ночи пока еще теплые. А с утра крутился бы у вокзала.

– Граф вроде собирался отправить бойцов, которых ему дал майор Логирен, назад в Меленгур. Видимо, вызвал своих людей из столицы.

– Обратный поезд на Меленгур пойдет завтра днем, – задумчиво говорит Пелер. – А местный из столицы будет только послезавтра...

– Слушай, я рад, что ты запомнил расписание, но давай лучше решим, что нам делать сейчас.

– Чего тут еще делать? Обойдем привокзальный квартал, как планировали – и разбежимся. Я на свою квартиру, ты к графу под крылышко.

– А связаться с тобой как, если что?

– Так же, как и прежде. Там же, и те же слова.

– Ясно. Та пивная, где три...

– Тсс! – прерывает его Пелер. – И у стен бывают уши и

глаза! Если ясно, то пошли. А то время идет.

Они проходят мимо меня, даже не повернув голов в мою сторону. До перекрестка заглядывают в попутные заведения – три гостиницы и две пивные, в которых, как и у Менера, можно снять комнату на ночь. Потеряв на это не больше получаса, они расходятся. Пелер – налево, Ксивен – направо. Я все это время сижу в той же нише – едва они скрываются из виду, каждый за своим углом, по улице проходит еще одна тройка стражников, и непонятно, когда появится следующая, а объясняться с ними у меня нет никакого желания.

Или все-таки рискнуть пойти за кем-то из них? За кем? За Ксивеном, чтобы найти Урмарена и остальных? Скорее всего, граф будет ждать своих людей, которые должны сменить бойцов из Меленгура. Сегодня он никуда не денется. Ксивен не заинтересован, чтобы с графом что-нибудь случилось в Ханаране. Значит, достаточно будет прийти на вокзал к поезду на Меленгур, чтобы выследить того, кто будет сопровождать убывающих бойцов. Но это завтра. А сейчас... попробовать выследить Пелера, что ли?

Дожидаюсь, когда стражники скроются из виду, и почти бегом несусь к перекрестку...

Не успел. В обе стороны улица пуста, насколько можно видеть. М-да, выследил, называется. Хорошо хоть сам им на глаза не попался. Наверное, лучшее, что сейчас можно сделать – вернуться к Менеру.

Так я и поступил. Менер еще не улегся – возился в кладо-

вой и дверь открыл сам. Оценив мой вид, быстренько что-то разогрел и приволок вместе с кувшином вина прямо в комнату.

– Ну что, нашел того парня? – спросил он, дождавшись, когда тарелки и кружки опустеют.

– Нет, – почти честно ответил я, – видно, успел свернуть куда-то, а я город знаю плохо, не рискнул блуждать по темноте.

– Это правильно, лучше утра дожждаться, – согласился он, пожелал мне спокойной ночи и ушел. Сжимая в кулаке еще пару вполне заслуженных монет.

Любопытно, может ли добрый человек Менер сдать меня городской страже? Законопослушность – страшная сила. Он видел, что я вооружен. То, что он не спросил у меня даже имя, не то что документы, чтобы записать в какой-нибудь журнал регистрации постояльцев – наверняка у него такой есть – еще ни о чем не говорит. Вполне возможно, что стражники смотрят на такие вольности сквозь пальцы – при условии, что Менер сдает им всех подозрительных постояльцев. А я – как раз такой. И Тигура не то место, где можно размахивать бумажкой с печатью барона Фогерена – единственным подлинным моим документом. То есть придется доставать какую-нибудь из трофейных фальшивок. И это при том, что для Менера я уже Таннер. А если Менер не только получит какую-нибудь награду, но еще и сохранит при себе полученные от меня деньги... Тогда в этом есть смысл. Клиент

ведь никому не сможет пожаловаться.

Впрочем, все это – не более чем мои абстрактные умопостроения. Внутренний страж, к слову, дрыхнет без задних ног. Но я все равно принял кое-какие меры, чтобы меня нельзя было застать врасплох.

Погасив лампу, забрался под одеяло, но спать почему-то совершенно не хотелось.

Я думал о том, что будет дальше. Прошло уже два месяца с того дня, как я очнулся на берегу лесного озера, понятия не имея, как я туда попал. И не имею до сих пор. И все два месяца иду, еду, плыву, снова иду и еду. Почему-то почти все время на юг. Нет, точнее будет сказать – никогда не разворачиваясь на север... И до сих пор не вспомнил ни своего настоящего имени, ни кем был раньше и где жил. А ведь забыл далеко не все. Умею драться с оружием и без. Ездить верхом. Разбираюсь в оружии и разной технике. При этом знаю не только аларийский, но и аркайский, и еще какой-то язык, названия которого почему-то не помню, да и сам язык всплывает какими-то кусками. Не удивлюсь, если, услышав итангерскую речь, пойму и ее. А вот историю Аларийской империи знаю так, будто меня учили не в империи, а в другой стране... Понять бы только, какой, ибо мои учителя не жаловали ни одну из мне известных. Да еще последние лет тридцать-сорок этой самой истории оказались сплошным белым пятном, его пришлось зарисовывать уже здесь, на ходу – почему-то нужных знаний у меня в голове не было... И

владею магией, разбираюсь в ней крайне слабо, как на мой взгляд. Кстати говоря, если хорошо подумать, пока барон не научил меня парочке простых заклинаний, работающих даже у не-магов, эта сила дремала во мне, никак себя не проявляя – если не считать способность предчувствовать опасность для жизни, которая, как мне кажется, была у меня и раньше... Вот только с бароном мои пути уже почти разошлись. С остальными, похоже, это тоже рано или поздно случится, о чем бы там граф Урмарен ни мечтал. И мне понадобится цель в жизни. Более материальная, чем все время удаляться от никому не известного озера. Не знаю, чем я буду заниматься, но хотелось бы, наверное, где-то осесть. Столица империи, пожалуй, не самое худшее место для этого – особенно, если удастся уладить проблемы с документами и прочим. Вот только... Как долго еще этот «взгляд в спину» будет гнать меня вперед? Не до Итангера же? Но даже если ни одна граница меня не остановит, в конце концов, упрусь в самый южный берег. А потом? Может, пора уже разобраться, от чего я убегаю?

А если все-таки это *что-то* не гонится за мной, а, наоборот, зовет меня к себе? Но тогда почему... Стоп. Хватит. Таннер, ты сойдешь с ума, если будешь думать об этом в каждую свободную минуту. По крайней мере, сейчас это точно не имеет смысла. В этом городе тебе ничего не нужно. Нужно лишь найти тех, кого уже привык считать своими. И вместе с ними убраться отсюда. Как можно скорее.

Завтрашний день может оказаться очень длинным. И сил понадобится гораздо больше, чем нужно для того, чтобы просто дождаться следующего вечера. Поэтому сейчас нужно уснуть. Сосредотачиваюсь на этом и наконец засыпаю. С револьвером под рукой.

Но прежде чем окончательно проваливаюсь в сон, внезапно откуда-то всплывает мысль – надеюсь, с Тианой все в порядке.

Часть 3

Друзья, враги и бочка с порохом. Недорого

*Порою все не так, как кажется.
Бывает, за тобой увяжется
Назойливый попутчик, раздражая...
На деле сто несчастий отгоняя...*

Просыпаюсь я от стука в дверь. Тихого, аккуратного, можно даже сказать – вежливого. Потом до меня доносится шепот Остена:

- Господин Таннер, вы уже проснулись?
- Да, не сплю уже. Чего тебе, парень?
- Вы завтракать будете?
- Прямо сейчас?
- Ну, как скажете...

Мысленно прикидываю оставшиеся финансы – и соглашаюсь:

- Минут через пятнадцать. Сюда принесешь?
- Принесу.
- Тогда беги.

До меня доносится приглушенный стук его башмаков. Так, похоже, за дверью никого. Или Менер решил, что я ни-

куда не денусь, или согласен с мыслью, что если кто-то ходит с оружием, это его личное дело. Особенно если человек платит за отсутствие любопытства.

Через полчаса я, сытый и вполне довольный жизнью – правда, расставшийся с еще одной монеткой, – спускаюсь вниз. Остен – поскольку Менер уже обслуживает первых клиентов – выводит меня все тем же ходом в переулок. Здесь тихо. Выхожу из переуллка, оглядываюсь. Редкие и не до конца проснувшиеся прохожие. Поворачиваю в сторону привокзальной площади.

Площадь в этот час тоже практически пуста. Здание вокзала уже открыто. Добираюсь до расписания. Все точно. Поезд Тигура – Терона отправится через два часа. На нем уедет Кимер. Через четыре часа после этого наступит очередь поезда Тигура – Норос – на нем отправятся выполнившие свою задачу бойцы из Меленгура. Хорошо, что между ними столько времени – значит, Кимер никому не попадется на глаза. Пелер или его люди – вряд ли он тут один – появятся здесь позже. Пелер надеется выследить меня, используя меленгурцев в качестве приманки.

Эти два часа тянутся медленно. Хорошо хоть люди, собирающиеся к поезду на столицу, обеспечивают неплохое развлечение. Потом к платформе подают состав, начинается посадка... А вот и Кимер. Заклинание еще не сработало – сержант время от времени крутит головой, надеясь, видимо, разглядеть меня в толпе. Извини, друг, это в мои планы не

ВХОДИТ.

Наконец он, отстояв небольшую очередь у кассы, потолкавшись среди отъезжающих, скрывается в тамбуре вагона. Еще немного – и раздается гудок. Поезд трогается точно по расписанию, если верить большим часам на здании вокзала. Все. Еще полчаса – и сержант Кимер честно забудет о моем существовании на ближайшие несколько месяцев.

Чем заняться прямо сейчас? Меленгурцы, конечно, вряд ли приедут прямо к поезду, наверняка раньше, но время у меня еще есть. Так что там пытался сказать Ксивен? Пивная, где три чего-то. Три чего-то – это, наверное, на вывеске. И очень велика вероятность, что пивная находится недалеко отсюда.

Так, что у меня есть? Паспорт на имя Сигуса Лидена, уроженца Нороса, жителя Мелаты, бывшего капрала имперской пехоты, ныне вольного стрелка, иначе говоря – наемника, временно пребывающего в поисках нового хозяина. Подходящий статус для человека, таскающего при себе два револьвера и нож. Все остальные документы из моих карманов уже перекочевали в наскоро сварганенный небольшой тайничок в дупле старого дерева в привокзальном парке. Незачем вводить городскую стражу в недоумение разнообразием моих личин. Убедившись, что оружие не будет слишком сильно оттопыривать одежду, выбираюсь из зарослей и начинаю «раскручивать спираль» – обходить близлежащие улицы, постепенно удаляясь от вокзала.

Искомая пивная отыскилась в трех кварталах от площади. Как я и предполагал, Ксивен говорил о вывеске, которая имела вид круглого щита с серебряной каймой и тремя золотистыми бочонками на зеленом фоне. Расположение, к слову, крайне удачное – здание на углу небольшого квартала, помимо главного входа наверняка имеются выходы на все прилегающие улицы. Да и по крышам или подвалам, наверное, можно уйти в случае чего. На оцепление добрая сотня бойцов понадобится. Серьезная сила стоит за Пелером, судя по всему, раз место настолько хорошо выбрано. Кстати, а где он сам?

Впрочем, вряд ли он сейчас будет здесь. Толкаю дверь, у притолоки звякает колокольчик. За столиком у окна трое мужиков сдвинули здоровенные кружки. Мужики тоже здоровые. Драться с ними прямо тут я бы не рискнул. Судя по одежде – возчики. За стойкой – хмурый тощий тип, что-то протирающий сероватым полотенцем. Я взял «тигурское темное», расплатился и, стараясь не коситься на троицу, выбрал столик с таким расчетом, чтобы успеть выскочить в дверь раньше, чем кто-то попытается перекрыть мне выход. Место мне однозначно не нравится. Задержать здесь Пелера однозначно не получится. Не спеша допиваю пиво – очень даже неплохое, к слову – демонстративно смотрю на часы над стойкой, корчу разочарованную рожу и ухожу. Мысль подефилировать вокруг квартала я отмел заранее – все подступы к зданию хорошо просматриваются, сра-

зу обратят внимание. Значит, можно возвращаться к вокзалу. Разве что пройти напоследок через тот угол, на котором я вчера потерял Пелера. Только сначала надо прогуляться в сторону, противоположную той, с которой я пришел. Чтобы любой, кто меня заметил, мог думать, что я просто заглянул в подвернувшуюся по дороге пивную. Через два перекрестка я поворачиваю налево, потом еще раз налево. Иначе говоря, обхожу «дом с тремя бочонками», все время держась от него на дистанции в два квартала. Вот-вот круг замкнется – через полсотни шагов я пересеку улицу генерала Киренира, проходящую перед фасадом пивной.

Только сначала надо пропустить фуры, вывернувшие с той улицы мне навстречу. Улочка узковата, и приходится вжаться в стену, чтобы какая-нибудь из них не потащила за собой. Медленно тянутся секунды. Наконец последняя повозка проползает мимо меня, и я замечаю... Пелера, который, оказывается, до этого шел мне навстречу, а сейчас повернул к «Трем бочонкам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.